

Светлана
АЛЕШИНА

**Блондин —
личность
темная**

Сериал
«Александра»

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Александра

Светлана Алешина

**Блондин – личность
темная (сборник)**

«Научная книга»

2002

Алешина С.

Блондин – личность темная (сборник) / С. Алешина — «Научная книга», 2002 — (Александра)

К частному детективу Александре Данич обращается глава рекламной фирмы Вадим Шульгин: утром по дороге на работу его ограбили в темной безлюдной арке. Украден не только бумажник с большой суммой долларов, но и портфель с важными документами, среди которых план деятельности фирмы, представляющий коммерческую тайну. На вопрос Саши, кого подозревает Шульгин, тот ответил, что уже несколько дней у ночного магазина рядом с фирмой видит одну и ту же компанию. Особенно запомнился ему светленький молодой человек со шрамом на лице. «Не может быть, – только и подумала Саша, – чтобы такое совпадение!» Потому что именно сегодня утром она схватила за руку вора с точно такими же приметам. Он вытащил у нее из пакета кошелек со всеми наличными.

Содержание

Блондин – личность темная	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Светлана Алешина

Блондин – личность темная (сборник)

Блондин – личность темная

Глава 1

Я стояла в раскаленном автобусе и совершенно не получала от этого удовольствия. Честно говоря, общественный транспорт – это вообще нечто не слишком приятное, а вот общественный транспорт в разгаре лета... Особенно когда противный Лариков, мой замечательный шеф, отдыхает в столице, а я, Александра Данич, вынуждена жариться в душном Тарасове... Хотя я, конечно, несколько несправедлива – Лариков тоже не отдыхает, и в Москву они с Лизой, супругой, отправились по архисложному делу.

Я же осталась здесь, в родном городе, дабы не подводить гипотетических клиентов. И вынуждена ездить на работу, то есть в наш офис, ежедневно. Но пока горизонт мой чист и безоблачен, никому не нужна помощь частного детектива Сашеньки Данич. Так что на работе я обитаю строго до обеда, потом, если свободен Пенс, мы едем на пляж. Или я еду туда в гордом одиночестве, что не слишком-то меня тяготит. Да и в офисе я не особенно скучаю: там есть компьютер, в котором игрушки разные. Есть телефон, и можно пообщаться с друзьями. На худой конец от одиночества меня всегда спасет томик Вийона. Помимо этого, Ларчик, дабы потренироваться в стрельбе, недавно приобрел домашний пейнтбол и мишень к нему. И я могу пострелять по мишеням из пистолета шариками с краской...

Единственная ложка дегтя в этой медовой бочке – общественный транспорт. Вот только разве что в нем наблюдать за людьми интересно, как говорится, поведенческие реакции проследить в экстремальной ситуации. Автобусы далеки от экстремала, полагают иные, те, которые имеют счастье проживать в областях с умеренным климатом, и температуру под сорок считают адским пеклом.

Итак, с утра пораньше – прохладнее от этого не становится – я уже была на полпути к пустынному офису, питая скромную надежду, что и сегодня меня никто не потревожит, хотя заработать энную сумму было бы неплохо, и развлекалась как могла. То есть наблюдала за людьми. А это интересное, да и полезное занятие – ведь частный детектив должен быть немного психологом.

Пассажиры вяло переругивались, не глядя друг на друга, что само по себе было достаточно сложно – обстановка в общественном транспорте в час пик царила напряженная, мне успели оттоптать ноги.

Особенно заинтересовал меня один представитель противоположного пола. Не потому, что отличался какой-то притягательной внешностью. И вовсе не потому, что меня привлекают мужчины, какими бы они ни были – ведь у меня есть Пенс. Просто этот невысокий, наверное, с меня ростом, блондин с коротко стриженным затылком, смешным чубчиком на лбу и шрамом, идущим от мочки уха до уголка рта, слишком уж напряженно пытался не смотреть в мою сторону, не обращать на меня внимания. И тем не менее, несмотря на сутолоку, углом глаза все время косил куда-то вбок и вниз, то есть на мои колени. Я никогда не отличалась повышенной уверенностью в собственной привлекательности. А при столь пристальном и тщательно скрываемом внимании к своей особе заподозрила что-то неладное. Конечно, можно предположить, что у данного представителя мужского сословия достаточно своеобразный вкус, но...

Я вцепилась в его мужскую руку и тихо-тихо, почти неслышно произнесла:

– Верните мне кошелек, будьте так добры.

– Что-о? – удивился он, глядя на меня своими хитрющими светло-серыми глазами.

– Вы слышали, что, – вздохнула я устало. Ну не хотелось затевать скандал в общественном транспорте и шокировать население. К тому же скандалов вообще не люблю – сразу краснею, теряюсь и немею. Но и с остатками финансов расставаться тоже не очень хочется.

– Докажи, – потребовал он.

– Ваша рука, сударь, что-то делает в моем пакете, – «доказала» я. К моей ладони прикоснулось что-то холодное и явно острое. «Нож или бритва», – поняла я сразу же. Испугалась ужасно, но вспомнила главную заповедь уверенности в себе – никогда не демонстрировать страха – и вскинула бровь, выражая саркастичное удивление.

– Порежу, – со зверским видом заявил он. Как будто надеялся, что я спасую перед столь наглым наездом. Хотя я и спасовала бы, если бы не кошелек. Жалко мне было его – красивая вещица, дорога как память – мама на день рождения подарила. Собрав всю волю в кулак, я улыбнулась по-доброму, впиваясь ногтями в кисть его руки, и ответила равнодушно:

– Я закричу, и от вас в этом автобусе рожки да ножки останутся, простите за грубость. Верните кошелек, будьте так любезны, – посоветовала я еще раз и еще более мягко.

Тут он сдался:

– Да держи!

И в моей руке оказался драгоценный бумажник. Интересно, на что надеялся молодой человек? Найти в нем миллион долларов? Кстати, в самообладании ему не откажешь: даже в момент поражения на его приятном, заросшем трехдневной щетинкой лице витала милая улыбка.

– Спасибо, – вздохнула я.

– А теперь пусти руку, – тщетно попытавшись высвободить кисть из моей хватки, потребовал парень, но я, как бульдог, впилась в его кисть ногтями. Наглеть так наглеть! – Не будешь же ты в ментуру капать?!

– Ага, – милостиво согласилась я, не расцепляя пальцев. С милицией я и впрямь не собиралась связываться – очень надо. Пусть сами ловят. – Вот только с вас еще десять рублей за пакет, вы же испортили частную собственность, – с трудом сдерживая смех, я констатировала факт и бросила сочувственный взгляд на искромсанный в баталии за кошелек пакет.

Скорее всего, решая таким образом, я руководствовалась спонтанной симпатией – ловкий малый не терял присутствия духа даже в такой ситуации и улыбался, глядя на меня.

В его глазах я прочла неожиданный интерес, смешанный с восторгом и злостью. Очаровательный коктейль, надо заметить! И для меня непривычный – мои рыжие кудряшки обычно вызывают лишь умиление. А я терпеливо ждала, пока он соизволит расплатиться со мной. Обычно я не столь хладнокровна, может быть, это своеобразная реакция на жару. Тем более что парень меня напугал – должна же я получить за это компенсацию.

Наконец он решился – выудил из внутреннего кармана джинсовой жилетки смятую десятку и торопливо вручил ее мне.

В этот момент неподалеку освободилось место, и я грациозно опустилась на сиденье, освободив наконец многострадальную руку воришки и многозначительно погрозив ему пальцем. Он вскинул бровь, сверкнул глазами и озорно подмигнул мне, не отрывая глаз от моих ног. Ну что он в них нашел?!

На следующей остановке карманник вышел, и я, доехав до офиса, тоже. Пока шла, как-то сразу забыла об этом эпизоде. Впереди было несколько часов рабочего дня, наполненных ничегонеделанием и одиночеством. Хорошо хоть кофе у нас есть...

* * *

Едва я вошла в офис и закрыла за собой дверь, как раздался нахальный звонок телефона.
– Детективное агентство «ЛМ», детектив Данич вас слушает, – отработанным долгой практикой движением сняв трубку, произнесла я.

– Здравствуйте, мне нужна ваша помощь, – мужской голос звучал требовательно и лаконично.

– Могу я поинтересоваться, откуда вы узнали о нашем агентстве?

– Я видел объявление в газете, – донеслось с другого конца провода. – И, естественно, навел справки. Ваше агентство считается одним из лучших в городе.

Действительно, Ларчик примерно с месяц назад, когда наблюдался некоторый застой в нашем агентстве, опубликовал в тарасовском еженедельнике объявление о детективных услугах, так что популярность «ЛМ» должна была несколько возрасти...

– Спасибо, – скромно поблагодарила я. – Итак, чем могу помочь? Может быть, вам будет удобнее подъехать?

– Когда?

Лаконичный собеседник мне попался, однако.

– Можете прямо сейчас, – предложила я. А что делать? Все равно нечем заняться. И стала ждать.

Телефонный собеседник понял меня буквально – едва я сварила кофе и закурила, как в дверь позвонили. Я открыла.

Высокий темноволосый мужчина в дорогом темно-синем костюме – интересно, не жарко ли ему? – увидев меня, удивленно вскинул бровь.

– Здравствуйте, могу я поговорить с детективом Данич? – осведомился он. Голос, низкий и властный, звучал с легким изумлением.

Может быть, он принял меня за секретаря? Я согласна, что выгляжу несолидно, и привыкла к такой реакции.

– Детектив Александра Сергеевна Данич – к вашим услугам, – отрекомендовалась я, – проходите, пожалуйста.

Незнакомец, мастерски скрывая изумление, вошел.

– Простите, я не представился. Вадим Иванович Шульгин.

– Очень приятно, – вежливо улыбнулась я. – Присаживайтесь.

Опустившись в кресло, посетитель приступил к делу:

– Не знаю, сможете ли вы мне помочь. В способностях милиции я сомневаюсь, поэтому предпочел частное детективное агентство, но...

– Может быть, вы расскажете, какие у вас проблемы, и тогда мы решим, справлюсь ли я с ними, – мило улыбнулась я. Шульгин кивнул, нахмутив темные, толстые, как две гусеницы, брови.

– Дело в том, что меня ограбили. Буквально сегодня рано утром – я шел на работу...

– Шли? – удивилась я. Не могу поверить, чтобы мужчина в таком дорогом костюме пешком добирался до работы.

– Ну да, – спокойно ответил Вадим Иванович. Его самообладание меня искренне восхищало. – Я живу неподалеку от офиса, поэтому предпочитаю ходить пешком. Итак, на чем я остановился?

– Вы сообщили, что вас ограбили, – напомнила я. – Расскажите, где, каким образом это произошло, что именно у вас украли и почему вы обратились ко мне?

Слово «ограбление» вызвало у меня вполне естественные ассоциации. Мне тут же пришел на ум случай в автобусе и блондинистый парень, не лишенный, надо сказать, симпатии. Но

развить сие приятное – ведь в нем раскрылись мои великолепные качества! – воспоминание мне не удалось. В конце концов, когда перед тобой сидит потенциальный работодатель, нужно выслушивать его, а не парить мыслями во облацех.

– Я шел из дома на работу. По дороге к офису нашей фирмы нужно пройти через достаточно темную и безлюдную арку. Там меня кто-то ударил по голове – нападавшего я не видел, он был сзади, – забрал мой бумажник и портфель, то есть все, что у меня было с собой. Бумажник с достаточно крупной суммой денег, портфель – с какой-то мелочью. Полагаю, кто-то мог заранее об этом знать. Понимаете, мне нередко приходится разъезжать по области, поэтому приходится иметь с собой деньги на бензин, милицию и тому подобные непредвиденные дорожные расходы. Причем такие поездки случаются всегда неожиданно, вот и приходится носить с собой определенную сумму. Конечно, ограбление не пробило особо большой бреши в моем бюджете...

– Так почему же вы обратились в «ЛМ»? – искренне недоумевала я. – Если не ошибаюсь, это прерогатива милиции.

– Ну, Саша, – чуть снисходительно протянул Шульгин, – в милиции невесть сколько подобных заявлений лежит, и они не могут принимать жесткие меры по каждому из них. У нашей доблестной милиции, – в голосе его послышался сарказм, – не слишком много свободного времени. К тому же, если честно, и зарплата там невелика. А в результате совершенно пропадает уверенность... Ваше же агентство пользуется прекрасной репутацией, и, полагаю, шансов на успех гораздо больше.

Я поняла его – именно по этой причине «ЛМ» пользуется неизменным успехом: на милицию надежда невелика.

Шульгин же продолжил:

– Понимаете, кроме денег, в портфеле лежали очень важные документы, связанные с планами нашей фирмы на следующую декаду. А обычно воры бумаги выкидывают или избавляются от них еще каким-то образом. Мне бы хотелось, чтобы вы нашли именно документы, а деньги... я прекрасно понимаю, их вернуть не удастся.

– Вы пробовали искать документы, когда пришли в себя?

– Ну, конечно, обшарил все вокруг. И ничего!..

– Хорошо, – вздохнула я. – Полагаете, вас ограбили из-за денег? Значит, кто-то считал, что вы носите с собой достаточно большую сумму, тем более кража с утра пораньше в подворотне – преступление не слишком характерное. Вы не предполагаете, кто это мог сделать?

Шульгин отрицательно качнул головой, нервно теребя кончик галстука.

– А что-то необычное вы в последние дни вокруг себя замечали?

– Что, например? – удивился Шульгин.

– Например... – задумалась я. – Ну, скажем, не следил ли за вами кто-то? Может быть, вы видели людей, которых не замечали раньше?

Вадим Иванович нахмурил лоб, побарабанил пальцами по ручке кресла и неуверенно ответил:

– Знаете, напротив моего офиса, как раз около выхода из арки, расположен магазин ночной торговли. И около него в последние дни ошивались какие-то подозрительные личности, во всяком случае, четырех человек я видел постоянно на протяжении последних дней. Они толклись там и с утра, и вечером, будто людям больше делать нечего. А сегодня их там уже не было – по крайней мере я их не заметил. Думаю, они могли быть причастны к ограблению.

– Вы сможете описать этих людей? – доставая блокнот, спросила я.

– Наверное, – пожал плечами Шульгин. Его глаза прикрылись, словно мужчина пытался вызвать в памяти облик этих типов. – Один... невысокий, коренастый, с толстыми губами и в черных очках. У него еще все руки в наколках. Второй – коротко пострижен, высоченный и худой, с круглыми глазами и круглыми очками, оправа которых замотана синей изолентой.

Еще один – с грязным хвостиком до лопаток, маленький и с длинными руками – типичная обезьяна. И последний – самый симпатичный из этой компании. Невысокий молодой человек с короткими светлыми волосами, с длинным шрамом на щеке.

– Какой именно шрам? – уточнила я автоматически. Шульгин качнул головой и устало сказал:

– Не помню. Я обратил внимание только на то, что лицо изуродовано...

Я тут же окрестила подозреваемых Губошлепом, Каланчой, Обезьяном и Меченым. Конечно, клички не ахти, оригинальностью не отличаются, но так работать будет проще, до тех пор пока не узнаю, как их зовут по-настоящему.

– Ну что, Саша, возьметесь за это дело? – поднял на меня глаза Шульгин.

– Да, – кивнула я. – Что касается оплаты...

– Я все прекрасно знаю и готов выдать вам аванс, – впервые улыбнулся посетитель. Улыбка преобразила его жесткое лицо, придав взгляду озорной блеск, а очертаниям губ – мягкость. – Оставляю вам свои телефоны – домашний и рабочий, – звоните в любое время.

– Хорошо, – согласилась я, складывая деньги, протянутые им, и запихивая их в кошелек. Все-таки аванс – прекрасная вещь...

* * *

Эта гонка продолжалась давно. И она приближалась к финалу... Стоило больших трудов выйти на этого высокого стройного парня с ярко-синими пронзительными глазами. Но это стоило того...

Люди должны платить за свои ошибки.

И теперь синеглазый, не подозревая о слежке, спешил на свидание. Он виделся с этой женщиной, невысокой с задумчивым взглядом блондинкой, второй раз, но явная увлеченность ею читалась на его лице. Потому, естественно, он не обращал внимания ни на что иное вокруг – был скорее всего уверен в собственной неуловимости.

Но ненадолго – уверенность в этом все крепла. Процесс слежки сильно напоминал охоту... Далекое прошлое... Выследить дичь, загнать и увидеть смятенный ужас в глазах, в этих синих глазах, взирающих на мир с такой уверенностью...

Он должен умереть...

* * *

Проводив клиента, я еще посидела в кресле, наслаждаясь нежнейшим шорохом вентилятора, горячим кофе и сигаретой. И размышляя. Раздумья мои привели к единственному выводу – отправиться к Ванцову.

Лешенька Ванцов – следователь. Он нередко помогает нам с Ларчиком необходимой информацией, а мы ему – заполнять тюрьмы преступниками. Думаю, Ванцов и на этот раз не откажется мне помочь. Иначе просто невозможно ничего узнать о местной шушере. А у меня появилось подозрение, что ограбление – дело рук районных воров. Ведь, как известно, город в среде преступного мира поделен на сферы влияния. И чужаку, попавшему не на свою территорию и решившему там поработать, придется туго.

Что ж, пока примем за факт, что грабеж произведен местными воришками. А что еще остается?

Итак, я отправилась к Ванцову. Терпеть не могу бывать в здании нашей родной милиции, мрачные серые стены которой навевают на меня вселенскую тоску.

Завидев меня, рыжий Ванцов решительно направился навстречу – видимо, рассудил, что лучше сразу разобраться с Александрой Данич. Он тащил в руках объемистую папку, которая того и гляди собиралась выпрыгнуть из его пальцев.

– Здравствуй, Саша. Как поживает Лариков? – вежливо приветствовал меня следователь.

– Носится по Москве, – сообщила я и добавила многозначительно: – Мне понадобилась твоя помощь.

– В чем именно? – сделал вид, что удивился, Ванцов. И правда, просто так я его никогда не навещаю.

– Клиент, – усмехнулась я. – Конфиденциальность была гарантирована, поэтому подробнее рассказать не могу.

– Надеюсь, мне не придется идти на должностное преступление, чтобы помочь тебе? – мрачно изрек Ванцов, будто я его хоть раз просила изменить долгу и Родине!

– Нет, – мило улыбнулась я. – Мне просто необходимы сведения о преступности по Кировскому району, а точнее, меня интересуют воровские круги этой преступности, – уточнила я.

– А откуда такой интерес, ты, конечно, не расскажешь? – поинтересовался Ванцов.

– Нет, Леша, не расскажу, – я выразительно поморщилась. – Поможешь?

– Куда от тебя деваться! Без Ларикова совсем от рук отбилась, – вздохнул Ванцов. – Пошли, маленькая мисс Марпл.

Через полчаса мой блокнот пополнился многочисленными заметками на интересующую тему: я узнала если не все, то очень многое о воровской среде Тарасова в целом и Кировского района в частности. Итог обнадеживал: по смазанным милицейским фотографиям и характеристикам у меня появилось шестеро подозреваемых. Не так уж и много, надо сказать, если учесть, что в Кировском районе мелких воров и воришек не меньше сотни. Бедняги, конкуренция-то какая! И я даже узнала, где эти личности «зависают», объясняясь на емком молодежно-тусовочном сленге: в забегаловке с диким, на мой взгляд, названием «Фонарь». К счастью, у Ванцова есть так называемые осведомители, и он навел справки о месте обитания этих личностей. Следователям ведь надо знать все обо всем, и порой это им удается.

Кажется, я благополучно отвлеклась?..

Искренне поблагодарив Ванцова за посильную помощь, я смело отправилась к этому скопищу порока и разврата, к кафе-бару «Фонарь». Он еще не открылся – было слишком рано для заведения подобного рода. Но вокруг уже сейчас толпились всевозможные представители преступного мира – по их физиономиям это с легкостью читалось. Они собирались кучками, трепались, пили пиво, отчего воздух словно пропитался алкогольными парами.

Присев на ближайшую скамейку, я закурила. Лезть сейчас на рожон было неподручно: увидев чужую в своей тусовке, ребята могли насторожиться. Хотя и не похожа я на мента, как говорит Лариков, и гораздо большее сходство имею с малышом из рекламы шоколадки. Я же искренне считаю, что мои тициановские локоны великолепны, разве что слишком бросаются в глаза.

Итак, я сидела, курила и наблюдала за воровской братией. Никто даже близко не напоминал Губошлепа, Обезьяна, Каланчу или Меченого. Ни один не выделялся высоким ростом или толстыми губами. Шрамы были где угодно, только не на лице. В наколках были многие, но чтобы все руки испещрены синими рисунками – такого я не заметила.

На лавочке, чуть поодаль, в гордом одиночестве сидел рыжий парень и пил пиво. К нему то и дело подходили какие-то личности, стоявшие и сидевшие вблизи, и, перекинувшись парой слов, удалялись. Я задумалась – так подозреваемых можно прождать до конца света. Вероятно, вовсе не их я выбрала из кучи следственных дел в материалах Ванцова. Возможно, ванцовский осведомитель ошибся, и «Фонарь» местом обитания воришек не является. Может быть... И что мне теперь, ждать у моря погоды? Мой характер начал протестовать.

Собравшись с решимостью и сунув в карман джинсов пару не слишком крупных купюр – за все в мире надо платить, – я подошла к одинокому парнишке.

– Здравствуйте, – мило улыбнулась я, сознавая, что впечатления на него не произведу. Не тот контингент. – Можно, я здесь присяду?

– Да садись, – буркнул рыжий, оглядывая меня с ног до головы. – Что надо?

– Узнать, бывают ли здесь некоторые личности, – пояснила я, с трудом сохраняя спокойствие. Мне стало вдруг страшновато.

Рыжий молчал. Он со скукой во взгляде осмотрел меня, даже скорее глянул мимо меня. Я же продолжила:

– Петр Гращенко, Владимир Зельский, Алексей Вареньш, Сергей Логинов, Леонид Ярченко, Георгий Монахов, – перечислила я имена людей, которые раскопала у Ванцова.

Но рыжий все так же не реагировал. Тогда я решила прибегнуть к мерам психологического воздействия – пошуршала купюрой, выглянувшей из кармана джинсов, и сказала:

– Мне очень надо узнать.

Рыжий с заметным интересом взглянул на деньги и хмуро спросил:

– Ты из ментуры?

– Вы с ума сошли! – ахнула я. – Конечно же, нет!

Рыжий демонстративно протянул грязную лапу, и я бросила купюру на его ладонь, тут же зашелестев другой.

– Скоро появятся, всегда здесь зависают, – фыркнул Рыжий и опять демонстративно протянул лапу, в которой уже исчезла первая бумажка. Я не стала скупиться, расплатилась и побрела к прежней лавочке.

Я смолила неизвестно какую по счету сигарету и рассматривала людей, толпившихся у бара. Наконец мое ожидание вроде бы увенчалось успехом. На горизонте появился высоченный мужчина лет тридцати; судя по его телосложению, он только что вышел из анатомического кабинета, бритый почти наголо и в круглых очках «а-ля слепой», только с прозрачными стеклами. Он, по описанию, очень походил на Каланчу.

Скучно поприветствовав кое-кого, он пристроился на дальнюю от бара скамеечку и закурил. Посидел так какое-то время, потом поднялся, дошел до пивного ларька, вернулся с бутылкой пива. К нему вскоре подошел Обезьян – страшненький мужчина с невымытым русым хвостиком, стянутым аптечной резинкой. Неужели мне повезет, и я сейчас увижу всех четверых подозреваемых?

Размечтались, Александра Сергеевна! Перекинувшись парой слов, эти двое отправились к проспекту. Я, естественно, поднялась и последовала за ними, стараясь не очень бросаться в глаза.

Личности, с кажущейся бесцельностью пошатавшись по городу, свернули в заброшенный парк. Я – за ними, скрываясь за деревьями и в зарослях кустов и напряженно обдумывая, как же заставить этих молодых людей расколоться. В голове возникло лишь одно соображение – припугнуть их. Это Лариков всегда следует букве закона, я же считаю, что порой цель оправдывает средства – как в данном случае. И теперь усиленно размышляла, где бы раздобыть наркотики. Как известно, за наркотики дают неплохой срок, и воришек можно будет несколько вывести из состояния душевного равновесия, подбросив им парочку пакетиков зелья.

К парням подошел мужик лет сорока с небольшим; оглядевшись и даже прислушавшись, он передал моим «подопечным» газетный сверток, после чего развернулся и быстренько исчез.

Развернув газету, ребята достали маленькие прозрачные пакетики с белым порошком и распихали их по карманам. Я поняла – вот он, мой шанс. Если они «увели» документы, то вернут как миленькие. Не они – прекрасно, значит, знают, кто это сделал. Или хотя бы догадываются – раз они были на месте преступления, когда произошло ограбление, то должны были видеть хоть кого-то... И я полагала, что сии личности поделятся известной им информацией.

Конечно, мне было страшно, еще бы! Но судьба-злодейка не давала времени на размышления: пока я кинусь звонить Ванцову или Пенсу и умолять их о помощи, подозрительные личности смоются. Значит, Сашеньке Данич предстоит действовать в одиночестве.

Бесшумно подкравшись сзади, я рявкнула:

– Стоять!

В руке моей был пистолет – игрушка, обычная пластмассовая безделушка. Та самая, стреляющая шариками с краской, но очень похожая на настоящий. К тому же и эффект неожиданности сыграл свою роль. Обезьян и Каланча замерли, изумленно и испуганно вперившись в меня. Я спокойно заявила:

– Надо поговорить. Можете сесть, только не делайте резких движений – нервы могут не выдержать. И не рыпайтесь – я просто хочу пообщаться с вами, но там, – мотнула я головой в сторону проезжей дороги, – меня ждут друзья. И они сюда тотчас явятся, если я закричу. – Последняя фраза нужна была для перестраховки. И мне повезло: со стороны дороги и впрямь послышался шум.

– Вы вообще-то кто? – чуть ошалело, но довольно нагло осведомился Обезьян. Голос у него оказался под стать субтильной внешности – высокий и даже пронзительный, бывший по моим и без того напряженным нервам.

– И что за дела? – гулким басом добавил Каланча.

– Сегодня утром у магазина ночной торговли на Кировской произошло ограбление, и вы там были, – заметила я. – Хочу, чтобы вы вернули похищенные деньги и документы.

– Слушай, чего этой телке надо? – нахально спросил Каланча у приятеля, но с места не тронулся. Только глазки за стеклами очков блеснули испуганно и напряженно.

– В общем, так, – придав голосу больше решимости, которой вовсе не испытывала, расставила я точки над «i». – Вы мне все рассказываете, или я отправляю вас в тюрьму. Там места найдутся, и за наркотики вам дадут неплохой срок. Я пойду свидетелем – вы распространители. Мне поверят, не волнуйтесь. Альтернатива ясна? И милиция, между прочим, недалеко. Поговорим мирно. Если не захотите, что ж, выбор за вами.

Откуда только во мне эти командные замашки? Это я, Александра Данич, уверенно общаюсь с ворами? Нет, такого не может быть! А эти типы изумленно смотрели на меня, пытаюсь уловить смысл моих речей. Пожалуй, мой высокий интеллект их подавлял. Воришки попереглядывались, посопротивлялись для порядка. Действовать не решились – видимо, логично рассудили, что просто так хрупкая девушка не станет им угрожать. Сделали выводы, что справятся со мной одной левой, но рисковать не стали – не хотели проблем с милицией. И я была с ними согласна – если бы не моя неожиданная изобретательность, пришлось бы спасаться бегством.

Обезьян буркнул:

– Ну чего тебе надо?

– Что вы делали у ночной торговли? Вас видели там всю неделю подряд. Вы работаете?

– Ну так это наше место, – неуверенно пожал плечами Каланча. – И чего?

– Шульгин Вадим Иванович. Это имя вам о чем-то говорит?

– Нет, – замотав головами, ответили оба типа в один голос.

– Представительный мужчина, темноволосый, в дорогом костюме, – пояснила я. – Сегодня утром его ограбили. Кто это сделал?

– Не мы, не успели, – даже немного обиженно пробурчал Обезьян. Он вообще оказался более разговорчивым, нежели его приятель. – Какой-то чужак его кинул до нас.

– Какой чужак? Вас там было четверо.

– Да трое нас было! – возмутился Каланча. – Я, Вовчик, – кивнул он на Обезьяна, – и Лехер.

– Лехер – это кто? Со шрамом?

– Да нет, – фыркнул Обезьян, несколько успокаиваясь. Видимо, понял-таки, что убивать я их не собираюсь. – Со шрамом – чужой. Отирался всю неделю поблизости. А Лехер – с татушками на лапах.

Значит, Губошлеп – перевела я для себя.

– И вы точно ничего не крали в арке утром?

– Да нет же, ну чего ты прицепилась, – невежливо пробубнил Обезьян. – Говорят тебе, чужой нас опередил.

– Раньше вы видели когда-нибудь человека со шрамом? Описать его можете?

– Стриженный, с чубчиком, – выдал Каланча. – С отметиной на роже. Я лично его видел чуть ли не каждый день на этой неделе.

– С чего вы взяли, что именно он ограбил Шульгина?

– Так его сначала не было у комка, потом появился с огромной сумищей и почалил к остановке.

Видимо, в сумке был портфель Вадима Ивановича. Я предположила два варианта дальнейшего развития событий – либо Меченый избавился от документов подальше от места преступления, осмотрев портфель в укромном уголке, либо... Целью были вовсе не деньги. Странно, почему я раньше не принимала во внимание эту версию? Теряете квалификацию, Александра Сергеевна. Бездействие на вас плохо влияет...

– Где найти человека со шрамом? – спросила я устало. Поверила я этим ребятам – слишком уж откровенной была их досада: опередили их, не дали грабануть Шульгина.

Движение кожи на черепе Каланчи и лихорадочное подергивание хвостика Обезьяна должны были, по всей видимости, отразить бешеную работу мысли. Я не стала им мешать. Ловко прикурила, не выпуская из руки пистолет, и затянулась. Наконец ребята пораскинули мозгами, и Обезьян выдал:

– В баре «Домовой» на площади. Там он бывает, видел пару раз по вечерам.

– Спасибо, можете быть свободны, – вежливо распорядилась я. – В милицию заявлять не буду, как и обещала, только советую вам исчезнуть как можно быстрее. Мои друзья могут заглянуть сюда, решив, что у меня проблемы. Но если вы мне солгали – разыщу обязательно, – пригрозив напоследок, я покинула тихий парк, а воришки ошалело смотрели мне вслед.

Глава 2

Галина всегда считала себя привлекательной женщиной – высокая, стройная, полногрудая, с пышно завитой шапкой иссиня-черных волос. И она искренне считала, что мужчины должны ею интересоваться. Они интересовались, но совершенно безвозмездно – до определенного момента. Галина ими тоже не брезговала.

Вообще в жизни медсестры Галины Афанасьевны Старцевой господствовали две страсти – драгоценности и мужчины. Или мужчины и драгоценности – оба увлечения были совершенно равнозначны. И мужчины дарили новые украшения, а блеск побрякушек привлекал все большее количество мужчин. Так что недостатка ни в том, ни в другом у Старцевой не было.

Она обожала попадать в авантюры. Эта авантурная жилка могла бы стать источником неприятностей, но не становилась до недавнего времени, потому что Галине везло. И если бы не последнее приключение...

Галина в досаде прикусила пухлую нижнюю губку и презрительно усмехнулась. В глазах ее стояли слезы.

Увидела бы сейчас этого Вовчика – именно так ей представился хорошенький мальчишка, с которым Старцева познакомилась в баре, где была последний раз, – удавила бы собственными руками.

Тогда Старцева, как обычно при походе в злачные места, нацепила на себя толстую витую золотую цепь с сапфировым кулончиком, вдела в маленькие мочки ушей тяжелые квадраты золотых серег с такими же синими камнями, нанизала на пальцы несколько тонких дорогих колечек и одно массивное, с сапфиром.

Конечно, для поиска мужика это было весьма неблагоприятно. Будь женщина не Галиной Старцевой, обязательно подцепила бы бедного мальчика-жиголо. Но Старцева и сама была женщиной шикарной, так что к ней и клеился соответствующий контингент. К тому же Галина могла раскрутить любого мужчину.

Но в этот раз... При воспоминании о таком позоре кулаки Галины машинально сжимались, а губы гневно кривились.

Мальчишка оказался прехорошеньким, он целовал ее пальчики, ладони его беззастенчиво шарили под тонким шелком платья. Острые зубки покусывали мочки ушей Галины, а пальцы зарывались в шелк ее кудрей.

Галина немного перепила – черт бы подрал этот коньяк – и отдалась во власть умелых рук молодого человека.

А потом он погрузил ее в такси, помахав на прощание ручкой. И только явившись домой, Старцева обнаружила, что ничто не оттягивало ее ушей, не цеплялось за декольте платья, да и пальцы не ныли в оковах колец.

Словом, милый молодой человек избавил Старцеву от «золотых цепей» и исполнил это чрезвычайно технично... Видимо, сказался опыт. И теперь Галина строила планы мести.

* * *

Оставив растерянных воришек в парке, я отправилась в бар «Домовой». Это заведение было более привлекательным, чем «Фонарь», даже снаружи. Зеркальные стекла, изогнутые готические буквы названия и симпатичная рожица хитрющего, заросшего белой бородой мужичка на вывеске. Мужичок отдаленно напоминал домовенка Кузю, только постарше веков на сорок.

Я потянула на себя тяжелую дверь и вошла в прохладный сумрак. В баре оказался только один человек, который задумчиво потягивал пиво, сидя в дальнем углу зала. Скучавший за

стойкой бармен при моем появлении встрепенулся. Я как можно очаровательнее улыбнулась, подошла к стойке и, присев на высокий стул, попросила:

– Будьте добры, чашечку кофе.

– Прошу вас, – плотоядно ухмыльнулся бармен, высоченный мускулистый детина с ежиком черных волос и глазками-бусинками.

Я пригубила кофе, скучающе оглядываясь. Бармен не спешил заняться своими делами, видимо, бедняге было скучно. Он сидел напротив меня и курил. Я пару раз улыбнулась ему, пока пила кофе, потом тоже закурила и облокотилась на локоть.

– Извините, а можно задать вам вопрос? – вежливо поинтересовалась я. Мужчина удивленно глянул, наморщил лоб и кивнул:

– Ну...

– Простите, может быть, вы видели здесь молодого человека со шрамом?

– Зачем? – нелогично осведомился мой «слово-охотливый» собеседник. Я растерялась:

– Ну... понимаете, мне сказали, он часто здесь бывает. Это же бар «Домовой»? Заведений с таким названием больше вроде нет?

– Нет, – лаконично ответил бармен.

– Понимаете, – зачастила я, – мне очень важно найти этого человека со шрамом.

– Зачем? – вторично осведомился бармен, яростно притушивая сигарету в пепельнице.

Ну и оживленная беседа! Ничего не скажешь!

– Получить развод, – пояснила я. И поведала подробнее: – Понимаете, сто лет его ищу, нигде не могу обнаружить. Сбежал, гад! – Я подпустила в голос слезу. – И не хочет развестись. А мне что делать? Я тоже свободы хочу! А подружка мне сказала, что как-то видела его здесь. Вот и хочу отловить его.

– Ну видел, – сочувственно хмыкнул бармен.

– И часто он здесь бывает?

– Каждый вторник зависает по вечерам, аж до полуночи, – пояснил бармен. Я обрадовалась – сегодня как раз вторник. – Часов в шесть появляется, – добавил мужчина. – А телефончик оставь? Как разведешься, встретимся.

– С удовольствием, – кокетливо заулыбалась я. – Лишь бы развод получить. – И продиктовала ему номер телефона.

Мужчина старательно, едва не высунув язык, записал его на салфетке.

– А звать тебя как?

– Анна, – усмехнулась я.

Я допила кофе и вышла из бара. Пусть звонит, лапочка.

Конечно, мне неприятно делать людям гадости, но не давать же свой телефон каждому встречному! Вот Ванцов обрадуется, когда ему позвонит какой-то тип и потребует к телефону Анну!

* * *

Ну за что ей это?! Все надежды были связаны именно с ним! Синеглазый, обаятельный мужчина казался центром Вселенной! Красивый, сексапильный и далеко не бедный, он был идеалом, и стать его супругой – вот цель ее жизни.

Но откуда-то появилась эта блондинистая скучающая стерва, и все надежды пошли крахом. Такое просто невозможно пережить, с этим необходимо разобраться! Она прекрасно понимала: ей нужно выяснить отношения, но для начала... Пожалуй, придется помучить себя еще – проследить за ним, любимым и неверным. Чтобы было больше доводов при выяснении обстоятельств. А для этого все средства хороши...

Хотя смотреть, какими глазами он поедает блондинку, было больно. Очень больно. Хотелось, как страусу, сунуть голову в песок. И замереть.

* * *

– Александра, тебе Сережа звонил, – едва я переступила порог квартиры, сказала мама. – Просил перезвонить, если ты вернешься до шести вечера.

– А что-нибудь передать не просил? – поинтересовалась я, сбрасывая с ног босоножки и забирая волосы на затылке.

– Ты еще успеешь позвонить, – улыбнулась мама. – А почему мое чадо такое суетливое сегодня?

– У меня новое дело, – усмехнулась я. – Так что сегодня вернусь поздно.

Направившись к телефону, я набрала номер Пенса. Он разочарованно выдал мне, что поездка на дачу в выходные отменяется: его посылают в командировку. Я вздохнула с облегчением – все равно времени на отдых нет – и постаралась поднять его настроение.

Распрошавшись с Сергеем, отправилась в ванную. Идти в бар с обычным моим имиджем студентки-спортсменки было негоже. К тому же я не очень хотела, чтобы меня узнал бармен.

* * *

Я подошла к «Домовому», с трудом удерживая равновесие на высоченных каблуках и регулярно путаясь в длинном облегающем платье. Непривычная одежда позволила мне собраться с мыслями – теперь я горела уверенностью разобраться с воришкой, из-за которого вынуждена терпеть эту пытку в туфлях на шпильках.

У дверей бара я нацепила на лицо скучающее выражение и вошла в задымленный, пропахший алкогольными парами полумрак. В зеркале на стене холла я взглянула на себя и в который раз удивилась – чего не сделает с женщиной пара килограммов косметики!

Собственное отражение было неузнаваемым. Моя подружка Эльвирка прекрасно потрудилась, на меня взирала довольно стройная, с неплохой фигуркой, рыжекудрая дама. Именно дама – с огромными выразительными глазами под сенью длинных черных ресниц, с пухлыми губками и пышными рыжими кудрями, рассыпавшимися по обнаженным плечам. Длинное платье подчеркивало фигуру и каким-то совершенно непостижимым образом скрывало мои недостатки. В туфлях на шпильке ноги мои казались длинными, как у манекенщицы. В общем, меня даже родная мамочка узнала с трудом, когда Элька гордо вывела из спальни свое творение.

Пройдя в бар, я небрежно оглядела помещение скольльзящим взглядом и уселась за столик в углу зала. Там было довольно тихо, прекрасно виден вход, но я сама в глаза не бросалась.

Подбежавшей официантке я заказала чашечку кофе, пирожное и на всякий случай бокал легкого вина. Терпеть не могу алкогольные напитки, но примерный план действий созрел в моей голове, и вино могло пригодиться. К тому же от одного бокала ничего не будет.

Закурив, я принялась ждать, стоически выдерживая заинтересованные мужские взгляды. А бар постепенно наполнялся народом, и я усиленно выискивала мужчину со шрамом. Но никакой блондин с изуродованным лицом и чубчиком еще не появился.

Поцеживая кофе, я медленно курила. Скучно становилось просто ужасно. Пухленький мужчина у микрофона в углу зала надрывался в микрофон, брэнча на гитаре и выпевая что-то слезливо-тюремное. Уши начали плавно увядать. Чтобы успокоиться, я пообещала себе по возвращении домой прослушать всю кассету «Рамштайна». В качестве противоядия.

Стрелка на моих часах еле ползла и наконец добралась до половины седьмого. Почти все столики были заполнены. И тут дверь открылась, и в помещение вошел... мой случайный

знакомый, на чьи деньги я купила себе новый пакет! На его лице, от мочки уха до губы, красовался шрам. И блондинистый чубчик! Как же я раньше не догадалась? Ведь именно этому типу, судя по всему, я дала кличку Меченый.

То есть что это значило? Ну точно! Парень ехал куда-то после ограбления и решил пожить почему-то моими финансами.

На этом я и сыграю.

В голове проносились философские рассуждения о бренности бытия и прихотливой изменчивости судеб. Вот что значит шутить с законом. Если бы я сдала Меченого еще тогда, когда он пытался меня обокрасть, документы были бы сейчас у законного владельца, а теперь придется действовать.

А Меченый с привычной ленцой вошел в бар и плюхнулся за столик, заказал себе бутылку пива и орешки, присосался к горлышку, словно испытывал неумную жажду.

Я медленно выпила вино, открыла маленькую сумочку и переложила из кошелька деньги в туфлю, под пятку, оставив в нем только мелочь. Не хочу по пустякам рисковать своим авансом. Потом поднялась, взмахнула рукой, призывая официантку, и пьяно пробормотала:

– А где у вас... дамская комната?

Меченый развернулся при звуке моего достаточно громкого голоса и оценивающе посмотрел на меня. Я широко улыбнулась ему и, руководствуясь указаниями официантки, прошла в маленькую дверь у стойки.

Выйдя оттуда, я плюхнулась на стул. Покачиваться мне труда не составило – туфли были ужасно неудобными, и несколько крупных купюр под пяткой им комфорта не прибавляли. Закурила, ленивым жестом выудив из сумочки зажигалку. Кошелек все еще лежал в сумке.

Небрежным жестом выложив зажигалку на стол, я внимательно посмотрела на Меченого. Он бросал в мою сторону явно заинтересованные взгляды – правильно, Элькино вечернее платье выглядело на кучу баксов, хотя стоило не так уж много. Наконец человек со шрамом решился и подрулил к моему столику.

– Можно к вам присоединиться? – спросил он вежливо. В светло-серых глазах его прыгали веселые чертики. Я очаровательно улыбнулась и довольно звонко ответила:

– Конечно, пожалуйста! Знаете, – перегнувшись через стол, доверительно поделилась я, – я даже рада, что вы подсели. В таких м-местах оч-чень опасно сидеть в одиночестве.

– Почему же такая прелестная девушка в одиночестве?

Я склонила голову на руки и, тяжело вздохнув, ответила:

– Так уж получилось.

– Выпьете что-нибудь?

– Н-нет, больше не могу! Кстати, меня зовут Анна, а вас?

– Владимир, – обаятельная улыбка тронула губы парня.

Посидев еще некоторое время, я поднялась:

– Хочу танцевать!

Владимир не смог отказать даме, и мы некоторое время подвигались под дурацкую музыку. Потом я скрылась в дамской комнате, а когда вернулась, Меченый спросил:

– Анна, могу я вызвать вам такси?

– 3-зачем? – не поняла я. – Не хочу уезжать отсюда!

– Простите, но мне пора.

– Ну и что? – недоуменно уставилась на него я. – Пожалуйста.

– Анна, вы мне очень понравились. Может быть, запишете мне номер своего телефона?

Как и в случае с барменом, я воспользовалась ванцовским номером – дежурный на вахте сразу отобьет желание звонить незнакомым девушкам – и пьяно помахала на прощание рукой.

Едва Владимир вырулил из бара, я подхватила сумку и последовала за ним. Кошелек в сумке уже не было – ловкий малый этот Меченый. Ну ничего, главное, купился, а вы, Александра Сергеевна, молодец.

Выудив из пакета, который я оставила под столом, удобные туфли на низком каблучке, я стремительно переобулась и вышла из бара, можно сказать, надеясь, что придется вести слежку, а на каблучках качественно передвигаться я совершенно не способна: могла упустить интересующую меня личность. И вовремя это сделала – Меченый ловил машину. Я плюхнулась в такси и бросила водителю:

– Поезжайте вон за той машиной!

– Зачем?

– Затем! Милиция! – я помахала липовым удостоверением. Водитель подчинился. И мы помчались за Владимиром.

Кружение по городу продолжалось неизвестно сколько, пока наконец мы не добрались до многоэтажки в Максимовке, тарасовском пригороде. Здесь Владимир вышел из машины и взмахом руки отпустил водителя. Я тоже, быстренько расплатившись, вышла из такси и осторожно проскользнула в подъезд вслед за ним: должна же я узнать, куда Меченый денет мой кошелек. Ну и заодно поискать документы – вдруг он их пока хранит дома. Честно сказать, в этот момент я пришла к выводу, что кража произошла именно из-за документов. Конечно, деньги – тоже немаловажная вещь, но Ламовский не производил впечатления человека, который нуждается.

Владимир поднялся на второй этаж. Я же вжалась в стену, стараясь слиться с ней, и продолжала наблюдение. Парень вошел в квартиру, расположенную слева от лифта, и дверь за ним захлопнулась. Поднявшись на пролет выше, я постояла минут так пятнадцать, после чего вышла из дома – наверное, Меченый не собирался выходить, а зря: я бы на его месте погуляла вечером. Полезно, говорят.

На улице я опустила на лавочку в тени деревьев и решила подождать еще с полчаса – для очистки совести. Время было еще детское – около девяти, на улице почти светло.

Я сидела и курила. Скучала, конечно, – подобные слезки вообще утомительное занятие, – и размышляла: роль этого Владимира мне была не вполне ясна. Если он «работает» в общественном транспорте, в чем я успела убедиться на собственном опыте, то с чего бы ему заниматься грабежом? Или он артист, предпочитающий выступать в разных «жанрах» – от карманничества до откровенного грабежа?..

А предмет моих раздумий в этот момент появился из подъезда – было ровно девять – и отправился к остановке. Я не пошла за ним – вместо этого поднялась на второй этаж и нажала кнопку звонка. За дверью послышалось истошное треньканье, но мне никто не открыл, а осмотреть квартиру мне ужасно хотелось.

Я снова вышла на улицу и обошла дом вокруг. Окна Владимира я вычислила с легкостью...

* * *

Насмешливый изгиб чувственного рта завораживал. Карина с иронией разглядывала лихого кавалера и была близка к тому, чтобы проклясть себя, непутевую. Тип, сидевший напротив нее в этой забегаловке, видимо, считал себя самым совершенством, уверенным, что способен произвести впечатление на любую девушку. Но Карина совершенно не разделяла его мнения. Она до сих пор находилась в этом баре с задымленным залом и темными, давно невымытыми окнами просто потому, что ей совершенно нечего было делать. А этот человек, сидевший напротив, добивался встречи с ней уже три дня.

Влюбился с первого взгляда, ехидно подумала Карина.

Ей здесь не нравилось. И вообще в этом чертовом баре было слишком многолюдно – народу набилось как килек в бочке в блаженные времена застоя. Потому что теперь килька в банках живет совершенно свободно, не сдавливаемая товарками.

За дальним столиком сидела привлекательная девица, пристальный взгляд которой нешуточно раздражал Карину, а та не отрывала глаз от их столика.

– Может быть, потанцуем? – устав от того, что взгляд девушки устремлен куда-то вдаль и она задумчиво потягивает коктейль через соломинку, выдохнул парень. Он, бесспорно, был обаятелен, это Карина отметила, когда знакомясь с ним три дня назад. Ей импонировали резкие и, казалось, чисто мужские черты его лица. Полногубый рот заставлял вспомнить о собственной женской сущности, бесстыжие глаза искрились небесной синевой и, казалось, видели насквозь.

Единственная проблема – Карине было совершенно не до любовных приключений. Она пребывала в депрессии и вот уже месяца два пыталась выкарабкаться из нее. И все после того, как рассталась с Романом, мужественным блондином, который, как оказалось, зарился исключительно на ее деньги. А такого Карина, девушка самолюбивая и чертовски гордая, понять не могла. Тем более и доход был далеко не скромным – Карина работала в престижной фирме, создавала модели одежды. И получала достаточно большие, даже по нынешним изменчивым временам, деньги. К тому же недавно умершая мать оставила ей крупную сумму и четырехкомнатную квартиру в элитном доме на Набережной. Что позволило Карине считаться очень выгодной невестой.

Смерив вопрошающего задумчивым взглядом, девушка ответила:

– Я не хочу танцевать.

– Тогда зачем ты сюда пришла – посидеть и выпить коктейль?

– А я и не рвалась, ты сам меня пригласил, – лениво ответила девушка. Она тряхнула гривой серебристо-пепельных волос, поднялась с неудобного стула и подхватила маленькую сумочку.

– Ты куда?

– Если ты думаешь, что я буду расплачиваться с тобой за ужин в кафе, то глубоко заблуждаешься: я не принадлежу к девушкам древнейшей профессии. Ты меня не возбуждаешь, – резко сказала Карина. Она была осведомлена о надеждах, которые питают мужчины, приглашая даму на ужин. «Кто девушку ужинает, тот ее и танцует», – промелькнула в голове старая шутка. – И вообще ты сам навязался.

– Я в этом не сомневаюсь. Позвони мне, хорошо? – попросил он тем не менее. Голубые глаза его выражали искреннюю обиду, что, впрочем, не отразилось на выражении лица: он умел держать себя в руках.

«Какого дьявола он ко мне прилип?» – вспоминая их недолгое, но утомительное для нее знакомство, возмутилась Карина. Она давно заметила этого броского на вид парня. Он постоянно мелькал около здания, в котором работала Карина, поджидая, когда она выйдет. Такое внимание ее тяготило, но не слишком – до тех пор, пока молодой человек не набрался смелости.

– Девушка, разрешите вас подвезти? – спросил он тогда, глядя на нее умоляюще-решительным взглядом.

И Карина, которая давно не бросалась в авантюры, подумала: а почему бы нет?

– Тебя подвезти? – ворвался в мысли приятный голос парня.

– Не стоит! – выдохнула она последнюю струйку табачного дыма, резко развернулась и направилась к выходу. Лопатками она чувствовала удивленный взгляд парня. Его звали Ники-той...

* * *

По стене дома шла пожарная лестница. От нее было далековато до балкона, но если постараться, дотянуться можно. Да, в такую авантюру я еще не влезала – забираться в чужую квартиру в вечернем платье, длинном и не слишком удобном. К тому же чужом – своими вечерними туалетами я не обзавелась по причине ненадобности. Ну ничего, думаю, справлюсь.

Перебросив сумочку через плечо и повесив пакет на запястье, я подтянулась и зацепилась за верхнюю планку лестницы. Взобралась, поднялась до уровня второго этажа. Интересное зрелище, должно быть, я собой представляю. Ну ничего – тьма наконец сгустилась, и особо заметно меня не было.

Я вцепилась пальцами в перила балкона и попыталась закинуть на перила ногу. Конечно, узкое платье угрожающе затрещало. Эльвирка меня обязательно убьет! Если бы я знала, что придется демонстрировать чудеса акробатики, захватила бы с собой джинсы с майкой. Но пути господни неисповедимы...

Значит, придется рискнуть собственным высоконравственным видом.

Я подтянула платье вверх так, что ниже талии остался только короткий лоскуток с разрезом, не стеснявший движений, и закинула-таки ногу на перила балкона. Покачнувшись, с трудом сдержала крик – конечно, насмерть не расшибусь, но больно будет.

Замерев, я покачивалась над землей. Подол платья, как флаг, развевался на ветру. Прислушалась. Кругом стояла мертвая тишина.

Тогда я, собравшись с силами, подтянулась и перелезла на балкон. Осторожно открыла дверь – благо она была только притворена по причине жары – и проникла в квартиру.

Она была двухкомнатной и довольно просторной. Стенка со стеклянными дверцами, заполненная хрусталем, больше подошла бы женскому уютному гнездышку. Но может быть, у Меченого есть женщина? Большой диван с яркими подушками... Огромный экран видеодвойки... Стопка кассет – боевики, эротика, банальный подбор...

В другой комнате тоже не обнаружилось ничего интересного. Ни намек на документы! Может быть, я вообще ошиблась и вышла не на того человека? Может быть, воришки мне нагло солгали, а я тут мучаюсь?

Я просмотрела содержимое письменного стола – тоже ничего. Ни единой зацепки. Потом перевернула белье в шкафу. Удовольствие сомнительное, надо сказать, рыться в чужом белье, но и там не увидела ничего, заслуживающего внимания.

Переходя в кухню, я уже была уверена – ничего не светит мне здесь. Если это Меченый похитил документы, он их давно выкинул или спрятал в укромном месте. И мой несчастный кошелек, наверное, тоже канул в Лету.

Перевернув все в ящичках и шкафах, я, подустав, присела на табурет. И тут взгляд мой упал на мусорное ведро; я присмотрелась пристальнее. В ведре лежали пачка из-под сигарет, смятая пивная банка и какая-то бумажка.

Вскочив и подбежав к ведру, я осторожно достала бумаженцию. Ой, какая же я умная! Все же Меченый имеет отношение к похищению документов – иначе откуда бы в его мусорном ведре валяться обрывку какой-то квитанции с четкой подписью: Вадим Шульгин.

На всякий случай я приподняла пивную банку, чтобы заглянуть на самое дно ведра. Это потребовало от меня усилия воли – так противно! Но я себя пересилила и увидела... свой кошелек! Вытащила и его, разрываясь между чувством брезгливости и желанием вернуть ответственность. Бросила в ведро банку и бумажку, чтобы все выглядело, как было. И, довольная плодами своей деятельности, покинула квартиру. Естественно, опять через балкон.

Подождав у дома минут двадцать и покурив, дабы успокоить нервы, я собралась уже двигаться к остановке, но тут увидела Владимира: он возвращался домой от нее. Проводив

его взглядом, я отправилась к дороге. В кустах раздался какой-то шорох, но я не придавала ему значения. В разгар ночи лазать по кустам – моя авантюрная жилка не была столь азартна! И, кроме того, очень хотелось к себе: полагаю, я заслужила крепкий и спокойный сон. А завтра приступлю к дальнейшему расследованию – для одного дня результатов вполне достаточно.

Естественно, заснуть так быстро, как хотелось, не удалось: в голову лезли мысли о том, как отыскать документы. Прежде всего с утра решила проследить за Владимиром. Неплохо бы выяснить его ФИО по адресу, если получится. И может быть, удастся разговориться с ним, заставить вернуть документы. Может быть... Хотя такой номер, как с кировскими воришками, с ним не пройдет – это не мелкота какая-нибудь...

На сей печальной мысли я и заснула.

* * *

Сегодня это свершится. Святая месть...

Кусты чуть слышно шуршали, ласково так... Пистолет оттягивал ладонь. Приятная тяжесть из прошлого...

Когда погасли огни в квартире напротив, можно было приступать к выполнению плана. К давно разработанному плану действий. Плану мести...

Тень скользнула к подъезду дома, осторожно прокралась на этаж. Справиться с дверью не составило труда. Кое-какие навыки, полученные за последний год, оказались довольно полезными.

До сих пор в голове билась мысль – убить сразу или сказать, за что? И все больше доводов было за второй вариант. Например, такой: месть должна быть оправданна хотя бы в глазах жертвы, как ни банально это звучит. Пусть знает, за что умрет.

Особой опасности нет – пистолет давно стал частью ладони, и пальцы уверенно сжимали тяжелую ручку.

– Что вам здесь надо? – взорвал ночную тишину возмущенный вопль жертвы. – Приду-рок, ты не знаешь, на кого лезешь! Сейчас в ментуру позвоню!.. – И молчание. Было замечено дуло пистолета, хищно смотревшее прямо в лоб.

– Что это значит? Берите все и уходите, – голос зазвучал жалобно. Конечно, лучше лишиться денег, чем жизни. Но...

Черная машинка смерти смотрела на жертву в насмешливом прищуре, словно говорила: «Ничего не поможет!»

И взгляд тени тоже был прикован к жертве, к шраму на щеке... Очаровательная деталь! Глаза, косовато посаженные, прямо-таки источали панический ужас. Пальцы напряженно комкали простыню. Парень вжался в спинку дивана, испуганный до ошаления. Если бы светлые волосы не были подстрижены так коротко, обязательно бы встали дыбом, подумалось как-то отрешенно. И ни на миг не стало жаль этого человека...

* * *

...Теплое мягкое облачко несло нас с Пенсом над зеленой, дышащей жаром землей. Я парила в прохладной выси, с наслаждением вслушиваясь в птичьи трели, и улыбалась. Где-то далеко внизу суетился Лариков. Они с Лизой затеяли какие-то сумасшедшие гонки, а я задумчиво взидала на них с высоты.

Внезапно Сережка испарился, облако подо мной растаяло, и я полетела вниз, зная, что сейчас разобьюсь. И неотвязным рефреном вокруг крутилась строчка из глупой блатной песенки, услышанной в баре «Домовой»:

Мадам, постойте, я скажу вам пару слов,
Не надо прятать ваши кольца и браслет.
И вам не сделаю я ничего такого,
Мадам, взгляните, я ж не прячу пистолет...

И я летела под эту отвратительную песенку. И не было никого, кто бы мне помог.

Вдруг по лицу скользнула тень, я поморщилась, юркнула под подушку, но она оказалась слишком тяжелой – душно. Открыв глаза, я подошла к окну и закурила. Сон оказался отвратительным. Наверное, судьба готовила мне какой-нибудь новый сюрприз. Причем не самый приятный. Мое подсознание обрабатывает поступающую информацию значительно лучше, чем сознание.

Включив в спальне свет, я удивилась – шел второй час ночи. Подхватила с книжной полки томик Вийона и, поджав ноги, села на кровать.

* * *

Высокий привлекательный парень небрежно раскинулся на широкой двуспальной кровати. Весь его вид говорил, что это прекрасное мужское тело уже никогда и никому не доставит удовольствия, ни одна женщина не в силах будет взглянуть в эти глаза пронзительной синевы. Мужественное лицо побледнело, черты заострились, подчеркивая природную красоту. Но он не думал о том, какое действие его внешность окажет на противоположный пол. Он вообще уже ни о чем не думал...

В комнате царил сумрак. Тот таинственный чувственный желтоватый свет утреннего солнца, что появляется лишь в разгар июля, заливал небольшое помещение, в котором стояла лишь огромная кровать. За окнами цвело и пело лето. Запоздало цветущие тополя расставались с последними хлопьями пуха, чем пользовались ребяташки: подожженные спичкой струйки белого цвета вспыхивали желтоватым пламенем и оставляли после себя темные полоски пепла. На подоконник снаружи уселась птица – птицы любят высоту...

На подоконнике, среди тяжелых складок темно-лиловых штор, лежало раскрытое водительское удостоверение. На фотографии его красовалось еще живое лицо парня, лежавшего на кровати. И надпись, сделанная изящным почерком черной пастой, гласила: Волощенко Никита Викторович.

Поверх документа, прикрывая его уголком, торчала фотография привлекательной блондинки со скупающим и немного насмешливым выражением лица, рядом с которой сидел сам Никита.

Глава 3

Проснувшись, я сразу вскочила. Вийон грохнулся на пол. Подняв книгу и осторожно положив ее на стол, я ринулась в ванную. Маман с неммым удивлением наблюдала за моими лихорадочными телодвижениями – я как угорелая металась по квартире. А все потому, что вчера забыла поставить будильник и проспала. Наверное, Меченый давно отправился по делам, и где его теперь ловить, совершенно непонятно.

– Александрин, ты будешь завтракать? – спросила мама.

– Нет, – помотала я головой, наливая в стакан апельсинового сока и залпом выпивая ледяную жидкость. При этом еще и натягивая на себя легкие летние брюки.

Стремительно выйдя из дома, я села в автобус и поехала в Максимовку, благо добраться туда было не слишком сложно.

Доехав до остановки, я выскочила из автобуса и отправилась к дому, у которого вчера развила такую бурную деятельность.

Сегодня там бурную деятельность развели уже без меня. У дома стояла «Скорая», копошились труженики родной милиции, уши закладывало от полуистеричных голосов. Это натолкнуло на простейшую и естественную мысль – что-то случилось. И это что-то не меньше, чем смерть, иначе такого количества любопытствующих просто не собралось бы.

Я подошла ближе, стараясь не попадаться на глаза представителям родной милиции, вслушиваясь в разговоры: в такой толпе можно многое узнать, не прилагая к этому особых усилий.

– Ох, что в мире деется! – самозабвенно заверещала пожилая женщина в цветастом сарафане, открывавшем толстые слои целлюлита.

– Ой, и молодой совсем! – шуршал голос хрупкой старушки.

– Да все они – молодые, да ранние! – презрительно отозвался на это дедок с бородкой.

– Простите, а что случилось? – вежливо поинтересовалась я.

– Да убили одного тут, грешного! – словоохотливо отозвалась женщина в сарафане. – Идет Машка, значить, – кивнула она на высокую сухоощавую женщину, стоявшую в центре круга среди людей в форме. – Собаку она прогуливала. А дверь-то открыта была. Ну подумала, небось, происходит чевой-то. Можеть, грабют. Да и зашла. А он лежит, а во лбу дырка, и кроввишша! – распалаясь женщина. Я только кивала – большего от меня и не требовалось.

Интересно, труп обнаружила не она, а знает все, будто сама нашла мертвого.

– А кого убили? – поинтересовалась я.

– А зачем те знать-то? – подозрительно уставилась на меня полувывсохшая старушенция.

Я серьезно посмотрела на нее и ответила:

– Да знакомые у меня здесь живут. Может, знаю?

– Да Володьку со второго! Такой парнишка... со щеккой покалеченной!

Наверное, лицо у меня изменилось, потому что бабка тут же бросилась меня успокаивать:

– Знакомый был, да? Ой, жалко-то как! Ужаси происходят!

– Нет, – прервала я ее. – К счастью, это не мой знакомый. Но человека все равно жалко. –

И незаметно вышла из толпы, решив, что остальное узнаю в милиции. Думаю, Ванцов не откажется мне помочь.

Я шагала по улице – в автобус садиться не хотелось – и размышляла. Вот это совпадение – только вчера человек был жив и в превосходной физической форме, а сегодня... его уже нет. Конечно, работая в детективном агентстве, я успела смириться с такими вот неожиданностями, но привыкнуть было гораздо сложнее. Владимир Меченый, вор, мертв. Насколько я поняла, его застрелили. Кому же это понадобилось?

«Нет, Александрин, вы думаете совсем не о том. Главное, где теперь искать документы? Не забывайте, что вам дали именно такое задание», – нахально вмешался в мои размышления внутренний голос. Этот негодник постоянно пытался поддеть меня, отвлечь от мыслей, и я с жаром возразила мысленно:

«Ну и что, неужели можно оставить смерть человека без внимания?»

«Конечно, а зачем заниматься самодеятельностью?»

– Чтобы обнаружить документы, то есть справиться с заданием, мне необходимо узнать круг общения этого человека.

Солнце било в глаза и палило, словно печка. А кругом шли люди, которым было глубоко наплевать на смерть какого-то воришки. И они бросали на меня недоумевающие взгляды, с опаской обходили стороной. Сначала я даже не понимала, в чем дело, и только через несколько минут до меня дошло – я разговариваю сама с собой. Причем вслух. Поэтому вполне естественно, что произвожу впечатление не вполне здорового человека в психическом плане.

Но со смертью Меченого следует разобраться... Цинизма моего внутреннего голоса я не разделяла совершенно.

* * *

– Будем ломать дверь! – решительно высказался невысокий мужичонка лет сорока, с заросшим щетиной лицом и огромным, невесть как умещающемся на небольшой физиономии лиловым носом.

– Игорь Петрович, может быть, не надо? – осторожно спросила управдом. – Знаете, сколько проблем у меня с жильцами возникает? Не хватало еще, чтобы это...

– А как вы будете объяснять все это Никоновым? – презрительно осведомился слесарь. Лицо управдомши покрылось красными пятнами – с Никоновыми, семейкой нуворишей, скандалить не хотелось. А они только что заявили, что их затапливает, соседей же сверху нет дома. И теперь управдом, хмурясь, пыталась принять справедливое решение.

– А что, если... – начала она осторожно.

Но договорить ей не удалось. Игорь Петрович, тип с лиловым носом, уже с размаху ударил в дверь плечом. Замерев на пороге, он весь позеленел и сказал сдавленно:

– Анна Викторовна, вызывайте милицию...

Женщина взглянула из-за его плеча на комнату. Первое, что увидела управдом – это нож, торчавший из поросшей волосками мужской груди.

– И какой только идиот сделал спальню прямо рядом с прихожей? – Но она не позволила себе закатить истерику – просто вспомнила о своих обязанностях, и все. И рванула к телефону. В голове билась одна мысль – убили жильца их дома, значит, теперь с милицией проблем не оберешься! Это что же такое в мире-то делается?..

* * *

Ванцов сновал по коридору, хмурый и напряженный. Даже рыжие волосы его вздыбились и потускнели от разыгравшихся нервов. Я сидела на стуле, скучала и ждала его. Проносьясь в очередной раз мимо меня, подобно ракете, он бросал краткие реплики вроде:

– Саш, подожди, мне некогда. Сейчас освобожусь...

Я мирно кивала и рассматривала скучно-серые стены. Стул подо мной жалобно поскрипывал, словно старик на последнем издыхании.

Наконец минут через пятнадцать пассивного ожидания следователя мне все это надоело, да и курить захотелось ужасно, и я прошла в другой конец коридора, где располагалась курилка. Прислонившись к стене, там стояла девушка. Наверное, несколькими годами постарше меня,

с тяжелой гривой пепельно-серебристых волос и красивыми глазами. В них застыла странная смесь из тоски, страха и досады. Девушка сосредоточенно дымила, сдавливая сигарету в тонких пальцах с длинными бледно-коралловыми ногтями.

Я тоже закурила. Девушка взглянула на меня, словно только что заметив, и задумчиво опустила взор к полу. Выражение страха на ее лице отчего-то меня угнетало. Я помолчала, потом спросила негромко:

– Тоже ждете кого-то из следователей? Они ужасно заняты...

– А вы здесь работаете? – кивнув, поинтересовалась девушка. Голос у нее был такой, о котором я всю жизнь мечтала – низкий, с хрипотцой и в то же время удивительно мелодичный.

– Нет, боже упаси, – отчаянно затрясла я головой. – Я жду следователя. Убили одного человека...

– Неужели вы тоже имеете какое-то отношение к смерти Никиты? – вскинулась девушка.

– А кто это? – удивилась я. Мне было известно только о смерти Владимира Меченого.

– Тот, из-за кого я сяду в тюрьму, – бросила девушка. На глазах ее навернулись слезы. Кажется, ей ужасно хотелось поговорить, чтобы снять с плеч хоть часть тяжелого груза, но она, видно, стеснялась, и я решила помочь ей:

– А почему вы должны из-за кого-то садиться в тюрьму?

– Ох, это ужасно! – вздохнула девушка. – Представляете, только вчера я видела его живым. А сегодня его уже нет! И меня обвиняют в убийстве. Но я никого не убивала! Зачем мне это? Ведь правда? Я и знакома-то с ним была всего три дня, не больше. И раз в кафе посидела. Ой, и не знаю, что теперь будет! Я уже была у следователя – взяли подписку о невыезде из города! И все потому, что у Никиты откуда-то оказалась моя фотография. С моим адресом. Откуда? Как я поняла, меня не арестовали только потому, что маловато улик! Извините, что я вам жалуясь, – закуривая еще одну сигарету, взглянула на меня девушка.

– Ничего страшного, – попыталась я поддержать ее. – Надо же кому-то рассказать! А в милиции не всегда справедливы, понимаете, у них здесь работы непочатый край, вот иногда и пытаются побыстрее раскрыть дело.

– То есть меня посадят? Ох, что же делать? – в отчаянии выдохнула девушка. Я уже готова была предложить ей помощь, но тут с другого конца коридора услышала голос Ванцова:

– Сашка, если у тебя что-то срочное – бегом, у меня мало времени!

Я лихорадочно выудила из сумки свою визитку и протянула ее девушке со словами:

– Обязательно позвоните мне в любое время! Как только освободитесь. Или сразу приезжайте. Буду ждать. Кстати, меня зовут Саша.

– А я – Карина, – растерянно сжимая в руке визитку, прошептала девушка. И я ринулась к следователю.

* * *

Дело жизни свершилось. Пистолет теперь валялся в каком-то мусорном баке. Да это и неважно. Главное – наконец цель достигнута. И странно... Сначала была радость, теперь наступило опустошение... Необычное ощущение – опустошенность, тоска... Говорят, такое бывает после периода напряженной деятельности. Но это пройдет. А в общем и целом – была радость от того, что наконец месть свершилась. То, что так долго вынашивалось – воплотилось в жизнь. Прошлого этим, разумеется, не вернуть – зато совесть теперь чиста. И ничто не довлеет над сознанием.

Хорошо было идти по солнечной улице города к своему убежищу, видеть удивленные глаза прохожих. Наверное, улыбка на лице выглядела непривычной, как маска, сквозь которую проглядывают клыки. И никому не было дела, что «клыки» сами – маска. Маскарадный костюм...

Никому не придет в голову связывать смерти в городе с той давней историей. Очень давней... Конечно, давней не для всех остальных – не так уж много и времени прошло. Но порой казалось, что минула целая жизнь. И единственный год – порой за это время можно пережить больше, чем за все предыдущее существование на этом свете...

Тополя еле слышно шуршали листвою, в воздухе растворялся аромат каких-то цветов. По набережной шли девушки в купальниках и ничего не скрывающих платьях. Это внушало чувство какого-то спокойствия.

* * *

– Сашка, что у тебя с лицом? – хорошо меня зная, удивился Ванцов, когда мы вошли в кабинет. И высказал не самую умную в мире догадку: – Наверное, снова твое юное сердце воспылало сочувствием к какой-нибудь несчастной жертве?

– Ну и что? – фыркнула я. – Ты же сам говорил, что у тебя мало времени. Поэтому быстро расскажи мне о смерти Владимира, парня со шрамом.

Я плюхнулась на стул, а Ванцов захопнул лежавшую на столе картонную папку, на которой я разглядела надпись: «Волощенко Н., Дело № ...», и стремительно перевернул ее, сунув под толстую стопку бумаг.

– Сашка, не впутывайся! – рявкнул Леша. – Ларикову пожалуюсь.

– Лешенька, я уже большая девочка, – фыркнула я. – Сейчас ты мне помоги, а как Андрей Петрович вернется – жалуйся.

Ванцов с сомнением смотрел на меня, и я поспешила его обрадовать:

– Лешик, если ты не сможешь мне с информацией, я сама попытаюсь ее добыть. Вот тогда и могу заполучить множество проблем. – Это, конечно, игра на нервах, но действенная!

– Ну что тебе надо знать? Звали этого человека Владимир Сергеевич Ламовский. Он обычный гопник, то есть нахальный ворюга. Его застрелили. Пулевое ранение в лоб со смертельным исходом. Ничего стоящего на месте преступления обнаружено не было. Никакой зацепки.

– А второй труп?

– Колотая рана в область сердца, – пожал плечами Ванцов и поморщился.

– А кто он такой?

Пылинка взметнулась со стола и плавно спланировала на пол. Стул подо мной встревоженно скрипнул, а Ванцов все молчал.

Я вежливо зевнула, прикрыв рот ладонью, как, надо сказать, воспитанная леди. Наконец Лешенька ответил на мой зависший в воздухе вопрос:

– Саша, откуда мне знать? Убийство произошло сегодня, и пока что я совершенно не знаю, за что убили этого второго человека. Я тебе все рассказал – прошло слишком мало времени, чтобы делать выводы. Хорошо, если узнаю... Зовут его Волощенко Никита Викторович. Мы обнаружили на месте преступления права на все категории вождения. И паспорт, откуда следует, что он не женат.

– Леш, можно тебя на минутку? – в дверную щель просунулась вихрастая голова Лешкиного помощника Олега. Увидев меня, он улыбнулся и кивнул.

Ванцов выскочил из кабинета, а я не стала терять времени – папочка на столе звала и манила меня. Тоненькая еще, с едва начатым делом, она была как морковка для осла или молочко для ежика.

Проявлять слишком явный интерес к смерти Волощенко мне совершенно не хотелось – Ванцов сразу заподозрит неизвестно что. Сотрудники милиции вообще люди страшно мнительные.

Вытащив папку из-под стопки бумаг, я пролистнула две тонких странички: описание места убийства и положения трупа. И быстренько записала на бумажку адрес убитого. Надо же вести расследование!

Едва я успела положить папку на место, как вернулся Ванцов. Он встревоженно посмотрел мне в лицо – не знаю уж, что он там увидел, только спросил тоном, не терпящим возражений:

– Надеюсь, у тебя все? Мне надо работать.

– Да, Леш, спасибо за помощь, – улыбнувшись, я вышла за дверь.

* * *

«Господи, что же я наделала? Зачем это было нужно? Почему все так произошло?» – думала она, в напряжении глядя на стену. Сердце разрывали тысячи диких кошек. Боль была ужасной – даже слезы не могли найти выхода из покрасневших глаз, прикрытых тяжелыми веками. Пальцы нервно сдавливали подлокотники кресла, ногти впивались в аляповатую бархатистую обивку.

Если бы она курила, наверное, одной пачкой дело бы не обошлось. А если бы не аллергия на спиртное, так давно бы бесчувственно валялась под столом, ничего не ощущая и витая в черно-огненной бездне тоски.

Но на вредные привычки давно было наложено табу. И она считала, что заслуживает много лучшего, нежели сидеть в этом чертовом кресле, напротив включенного компьютера и рыдать. Рыдать горько, без слез.

Все пошло прахом. И остались лишь воспоминания. В сознании билась одна-единственная мысль: «Зачем! От этого не легче!» Эти слова казались выжженными в мозгу чьей-то дьявольской рукой, и свинцовая тяжесть давила, не давала встать из кресла и умыться, привести себя в порядок. Зачем? Жизнь кончена, так зачем что-то делать с собой? Проще сидеть в кресле и страдать.

А взгляд бездумно скользил по черно-алой – это были ее любимые цвета – обивке стены. Теперь она возненавидела красный – цвет крови. Он слишком о многом напоминал. Красная кровь на бледной коже, кровь на простынях. Много крови... И – сумбур в голове...

Рвотный порыв схватил неожиданно, и она, сорвавшись с кресла, стремительно понеслась в ванную. Ненадолго пришло облегчение – физический дискомфорт вытеснил душевную боль. Жаль, что лишь на время...

Ведь воспоминания, к несчастью, не убить. Ничего с ними не сделаешь, даже если очень хочется. Хоть и говорят, что время – лучший лекарь, она была уверена: это забыть не удастся. То, что произошло, просто невозможно забыть. Невозможно выбросить из головы как ненужный хлам из квартиры. И она знала – о, прекрасно знала! – что произошедшее будет преследовать ее в кошмарах всю жизнь. И всегда она будет чувствовать эту острую боль. Даже если сможет когда-нибудь начать улыбаться.

Но сейчас она просто не могла этого сделать. Не могла заставить свои губы разжаться, кожа лица казалась каменной – мышцы не двигались, замерев в одном положении. Лицо представляло собой маску отчаяния – гипсовую маску на надгробье. На чем? О, об этом она прекрасно знала. Знала и о том, что не сможет воплотить эту случайную фантазию в жизнь. Просто знала... Как приговоренный знает о своей смерти.

И она знала, смерть – эмоциональное умирание, пожалуй, хуже, чем физическое. И если бы не впитанные с материнским молоком моральные принципы – себя убить нельзя ни в коем случае, – она бы обязательно что-то сделала с собой. Однако переступить через это не могла...

* * *

Я быстро шагала к своему офису, надеясь, что эта девушка, Карина, все же решится ко мне обратиться. И досадовала – Ламовского убили, значит, документы мне придется искать самой. А Тарасов, между прочим, город большой. Ламовский мог сжечь бумаги или выбросить. Или продать конкурентам. Черт, как я раньше об этом не подумала? Продать конкурентам! Значит, во-первых, надо узнать, были ли конкуренты, которым окажется полезной информация Шульгина. И, во-вторых, – имел ли Ламовский с ними связь.

Войдя в офис «ЛМ», я сделала себе кофе и бутерброд с сыром и, устроившись в кресле, набрала номер телефона Шульгина.

– Рекламное агентство «Шаман», – представился юный женский голос.

Очень милое название! А главное – с фантазией. Шаман. Мы так нашаманим вам, что ваша реклама станет лучшей в мире! Мне так и виделся этот лозунг, растянутый над проспектом, изящно выписанный радужно-переливчатыми буквами.

– Здравствуйте. Не могли бы вы пригласить к телефону Вадима Ивановича Шульгина? – вежливо попросила я.

– Простите, кто его спрашивает?

– Александра Данич, – представилась я, и в трубке замолчали. Через мгновение я услышала сдержанное:

– Здравствуйте, Саша, вы что-нибудь узнали?

– Не слишком много, – ответила я без воодушевления. – У меня возникло несколько вопросов. Вам удобно говорить по телефону?

– Да-да, я слушаю вас.

– Кому была выгодна пропажа документов?

– Саша, вы думаете...

– Я уверена, – прервала я его не слишком-то вежливо, но мне очень хотелось поскорее получить ответы на вопросы и продолжить расследование.

– Единственная фирма, способная с нами конкурировать, – «Северная звезда». Они, пожалуй, не отказались бы заполучить эти бумаги. Остальным они ничего реального не дадут – на одном оборудовании, расписанном в проекте, можно разориться. Больше ничего не могу придумать. А у нас планы летят...

– Спасибо, Вадим Иванович, я позвоню, как только узнаю что-то конкретное.

– Буду ждать, – безнадежно ответил Шульгин, и я положила трубку. Бедняга не слишком-то верил в благополучный исход дела. Почему, спрашивается? И зачем ему в таком случае платить мне деньги?

В дверь позвонили. Открыв, я увидела Карину. Девушка растерянно смотрела на меня, постукивая по полу тонким изящным каблучком и нервно теребя легкую сине-сиреневую шифоновую юбку.

– А вы, правда, частный детектив? – спросила она с порога.

– Правда, и можно на «ты», – улыбнулась я, жестом приглашая посетительницу в кабинет.

– А вы... ты сможешь мне выпутаться? – присаживаясь на краешек кресла, выдохнула девушка. Господи, и везет же мне на клиентов, не уверенных в моих способностях!

– Я постараюсь, – пожала я плечами. – Кофе будешь?

Карина отрицательно качнула головой. Она крутилась в кресле так интенсивно, что я подумала было, уж не подложила ли туда канцелярских кнопок или булавок? Для назойливой клиентуры?..

– Только тебе придется все рассказать. Как на духу!

– Да нечего мне больше рассказывать! – ахнула Карина. – Я тебе почти все рассказала там, в милиции.

– А теперь поведай то же самое, только подробно, – попросила я. – И еще, я буду задавать вопросы. Тебя это не отвлечет?

– Хорошо, задавай, мне все равно, – пожала плечом Карина. – С чего начинать?

– С биографии, – насмешливо сказала я, дабы хоть немного разрядить обстановку. Карина смотрела на меня серьезно, как на волшебника, только вот не догадывалась, доброго или злого.

– Карина Валентиновна Красс, двадцать шесть лет, – расслабляясь, с улыбкой начала она. – Этого достаточно?

– Вполне. Необычная у тебя фамилия. А теперь расскажи, что знаешь об этом убийстве.

– В конце прошлой недели, в пятницу или субботу, я познакомилась с Никитой.

– Его фамилия? – делая пометки в блокноте, спросила я.

– Никита Викторович Волощенко. Но это я узнала только сегодня, в милиции. А так – Никита и Никита. Я его не раз до этого замечала: работая модельером-дизайнером, из офиса ухожу не слишком поздно. И, наверное, с неделю он выглядывал меня. Я сразу заметила, что понравилась ему, но, честно говоря, не стремилась к любовным приключениям. А потом... всего лишь согласилась с ним встретиться. Никита очень симпатичный... был. Ну вот, виделись мы с ним трижды. В воскресенье и понедельник просто погуляли по городу, а вчера посидели в баре. Но потом я ушла домой: мне надоело сидеть напротив, как мне показалось, безразличного человека. Мы мирно расстались, я оставила его в баре.

– Сколько было времени?

– Часов одиннадцать, может, половина двенадцатого. И знаешь, Саша, не могу понять, с чего служба бара решила, что мы поссорились. Мне об этом сообщили в милиции. Я спокойно встала и ушла – и все. Никита остался сидеть.

– Почему на тебя пытаются повесить это убийство, как ты думаешь? – поинтересовалась я.

– Во-первых, в квартире Никиты нашли мою фотографию. Не знаю, откуда она взялась там. Тем более сняты мы с ним вместе, кажется, в том самом баре. И на обратной стороне фотографии – мой адрес. Это вообще черт знает что! А потом, у меня нет а-ли-би, – жалостливо протянула девушка. Губы ее скривились. – И это только потому, что я добралась до дома пешком через парк – я недалеко от «Ястреба» живу.

– «Ястреб» – это бар?

– Да, в котором мы сидели. И никто меня, естественно, не видел. Да знала бы, так толпу провожатых бы с собой взяла и соседей оповестила о том, что я дома! И никому не интересно, что я даже не знаю, где живет Никита! В самом деле... А отпустили меня, знаешь почему? Потому что отпечатков пальцев моих в квартире не нашли, а значит, сажать не за что.

– И чего ты тогда боишься? – поинтересовалась я. Хотя прекрасно знала, чего. Если менты очень постараются, то найдут и свидетелей, и кого угодно, лишь бы повысилась раскрываемость. Это вовсе не говорит о порочности родной милиции – пожалуй, скорее сей факт расценивается как данность. Не слишком справедливый закон жизни – каждый живет, как может, и неважно, что при этом страдают другие.

– Если они сейчас из-за какой-то несчастной фотографии так на меня надели, то что будет дальше? – пожала плечом Карина. – Может быть, они обнаружат, что моя троюродная тетка в детстве двинула в нос папочке Никиты, за что тот дал ей затрещину. И я мстила за родственницу, – фыркнула девушка.

Я тоже рассмеялась: хорошо, если, даже попав в переделку, чувство юмора не изменило ей.

– Ты мне поможешь? – с надеждой посмотрела на меня Карина.

– Постараюсь, – искренне пообещала я.

– А сколько это будет стоить?

Честно говоря, можно бы этой девушке помочь и бесплатно. Я, конечно, не Рокфеллер, тем не менее один клиент у меня уже есть, и он исправно платит гонорары. Карина же неверно истолковала мое минутное сомнение и воскликнула с жаром:

– Ты не думай, деньги для меня не проблема! Заплачу сколько нужно! Только вытаци меня из этого дерьма!

С финансовым вопросом мы разобрались, и Карина ушла немного успокоенная, а я попыталась обдумать полученную информацию.

В голову сразу же пришла идея – Карину решили подставить. Отсюда и фотография. Но это каким же зверем надо быть, чтобы убить человека ради подставы? Нет, это подозрение следует отмести сразу же. Такие сумасшедшие, слава богу, встречаются сравнительно редко.

Мне просто необходимо узнать подробнее об убийстве этого Волощенко. Да и о нем самом тоже. Значит, надо идти к Ванцову, по всей видимости. Он скоро от меня поседет.

И тут зазвонил телефон. Длинный настойчивый гудок оторвал меня от важнейшего занятия – открывания входной двери. Я уже собралась уходить, но трубку сняла.

– Александра Данич, – привычно представилась я.

– Привет, маленькая. Как поживаешь? – спросил Лариков. Голос шефа звучал утомленно, как у бойца на последнем отрезке дистанции. Мне стало жаль его до слез – бедный Ларчик там трудится, я же только клиентов коллекционирую.

– Все хорошо, – не стала я беспокоить Андрея Петровича, тем более что все и в самом деле обстояло неплохо. – Ларчик, а у тебя как? Долго еще в столице пробудете?

– Пока неплохо. Думаю, через недельку вернемся, – протянул Лариков. Мне показалось, он невоспитанно зевнул, значит, всего-навсего спать хочет. Я-то жалею его, в моем чересчур живом воображении рисуется картинка, как Ларчик, истекающий кровью, тянется к телефону, дабы успокоить свою младшую коллегу. А он!.. – Саш, ты слышишь? – переспросил Андрей Петрович с легким удивлением. Вероятно, я слишком надолго задумалась. – Мы вернемся дней через пять-шесть.

Думаю, за недельку я справлюсь. Во всяком случае, надеюсь.

Шеф оставил мне телефон гостиницы, в которой они с Лизой остановились, и попрощался.

* * *

Я решительно отправилась в «Ястреб» – следовало поговорить с персоналом: может быть, кто-то что-то знает или видел, слышал...

«Ястреб» оказался уютным местечком с темноватым залом и готическими окнами, на которых мозаикой были выложены хищные птицы. Несмотря на раннее время, бар уже работал, и птички-посетители в сравнительно большом количестве сидели за маленькими столиками.

Если честно, не сказала бы, что мне там понравилось, ибо я вообще не испытываю особой тяги к злачным местам. Но работа есть работа, не всегда она доставляет удовольствие.

Войдя в бар, я осмотрелась и решительно подошла к стойке. Девушка-официантка вальяжно облокотилась на деревянную стойку и хозяйским взглядом рассматривала посетителей. Я подошла к ней, представилась:

– Здравствуйте, я из милиции, Александра Данич.

Скучающая гримаска на лице девушки сменилась досадой, и она выпалила, покусывая ярко накрашенные тонкие губы:

– У нас уже были из милиции. Что вам нужно?

– Я помощник следователя Ванцова, – спокойно заявила я, – мне необходимо задать вам несколько вопросов. Надеюсь, вы сможете на них ответить?

– А куда от вас денешься? – буркнула девушка утомленно и предложила: – А отложить разговор вы не можете?

– К сожалению, нет. Информация нужна нам срочно.

Еще чего не хватало, буду я таскаться в этот бар по десять раз на дню! В конце концов органы правопорядка тоже имеют нормированный рабочий день – официально! – а следовательно, мне должны ответить на вопросы.

– Давайте присядем, – предложила я ярко накрашенной девице. Она досадливо тряхнула гривой крашенных в сиреневый цвет волос и бросила взгляд за стойку. Из подсобного помещения, словно повинувшись ее мысленному приказу, вырулил высокий молодой человек, стриженный «под уголовника» и с огромной наколкой – сердцем – на плече.

– Сань, постой здесь, – с откровенно недовольным видом пробурчала девица и покосилась на меня: – К нам опять из милиции.

– Вы вчера тоже работали? – обратилась я к мужчине, робко улыбнувшись.

Он кивнул.

– Тогда чуть позже я бы хотела поговорить и с вами. – И мы с официанткой прошли к крайнему столику, стоявшему в самой глубине зала.

– Итак, вчера вы видели симпатичную блондинку, которая была с мужчиной?

– Разумеется, видела. Они сидели во-он за тем столиком, – кивнула она в сторону и заговорила довольно быстро, но не как человек, жаждущий поделиться подробностями, а скорее как отбывающий наказание за тяжкое преступление. – Они сидели часов с восьми вечера. Красивый мужчина и скучающая девушка. Она на него смотрела с такой тоской – знаете, мы, когда здесь работаем, автоматически отмечаем реакции клиентов – вдруг им что-то не понравится. А некоторым нравится уходить, не расплатившись. Вот и приходится следить за всеми подряд. Так вот, парень, он такой симпатичный, смотрел на нее телячьими глазами.

– Что вы имеете в виду? – уточнила я.

– Ну, влюблен он был в нее по самые уши, – девица окинула меня пренебрежительным взглядом, не понимая, наверное, как можно не знать столь простых стилистических оборотов. И продолжала: – А девушка, наверное, и не хотела сидеть с ним, она все с тоской зал оглядывала. А потом поднялась, что-то сказала ему и ушла.

– Вам не показалось, что они поругались?

– Может быть. Или она унизила мужика. Потому что взгляд у него был растерянный – ну я не знаю, как это объяснить. Просто, когда человек сильно обижен – это всегда очень заметно.

– Долго мужчина просидел после ее ухода?

– Довольно долго, еще часа полтора, наверное, и ушел, когда мы стали закрываться.

Ничего сверх этого выяснить мне не удалось. Поблагодарив девицу от имени родной милиции, я пообщалась с Саньком, бритоголовым барменом. Но он говорил то же, что и девица, – только без столь душещипательных психологических подробностей. Ну что же, мужчины – они в большинстве своем таковы – обращают внимание исключительно на собственные чувства, все остальные их волнуют мало. А жаль.

Но это я отвлеклась.

Покинув бар, я присела неподалеку, в парке, и задумалась. Зажженная сигарета тлела в моих пальцах, но было не до нее. Я пыталась понять, что же произошло. За что могли убить этого Никиту. Но ничего придумать не могла – я ведь не знаю даже, чем он занимался. Если парень – бизнесмен, возникает одна версия. Если всего лишь рабочий – совершенно другие предположения.

Не придумав ничего лучше, я решила отправиться к месту жительства господина Волощенко. Не думаю, что Ванцов успел узнать больше, чем я, времени прошло слишком мало.

* * *

Он брел по улице совершенно спокойно. Ко взглядам прохожих успел привыкнуть. Они с отвращением взирали на его лохмотья – но это не раздражало. Ведь раньше, в своей прежней жизни, как он называл недавнее прошлое, он провожал людей из опустившихся слоев общества точно таким же, презрительно-сочувственным взглядом, обходил их стороной. Теперь стороной обходили его. И это не трогало – ему было плевать.

Он просто шагал по проспекту, задумчиво озирая витрины и принохиваясь к витающим в воздухе ароматам дорогих сигарет, пряностей, печеного. Это порой заменяло обед и ужин.

Он прекрасно знал, кто виноват в его теперешнем положении: признавал и то, что дальше так продолжаться не может. И не понимал, что может сделать, дабы изменить ситуацию. Где найти документы? Где заработать большие деньги, нужные для того, чтобы начать новую жизнь? Знакомые его не относились к людям со стабильным финансовым положением. Друзей из прошлой жизни в этом городе не было.

А город был красив: приехав сюда год назад с самыми радужными надеждами, он это понимал. Чистенькие улицы, улыбчивые люди, красивые женщины. Шумные базары и весело трещавшие на ветках птицы. Широкая серебристо-синяя река, через которую протянулся изящный ажурный мост. Все это его восхищало и искренне удивляло. И хотелось бродить по городу, впитывая в себя затхло-пыльные запахи старых улиц с их древними домишками, любясь на высотные дома, до тех пор пока не затечет шея.

И он ходил, любовался.

Впрочем, и теперь прогулка по Набережной доставляла ему немалое удовольствие. Но шокировать прохожих своим жалким видом удовольствия не доставляло. Он хотел бы надеть новый чистый костюм, нарядиться в отглаженную рубашку и «закадрить» хорошенькую девочку. Однако все это было недоступно. Реальностью было другое: комната-клоповник, старые проститутки под боком и редкое счастье вкусного обеда. А также выматывающая работа за гроши, если она вообще, конечно, появлялась.

К несчастью, он не умел пробиваться, да и особенно выдающимися способностями не обладал, о чем порой жалел, искренне жалел. И вообще его, конечно, не обвиняли в мягкотелости, но сам он знал за собой это свойство натуры.

Глава 4

Итак, я довольно быстро добралась до дома, в котором жил Волощенко, – обитал он в элитной многоэтажке на Набережной. Конечно, я не обманывалась: маловероятно, что милиция что-то оставила после себя очаровательному частному детективу Сашеньке Данич, но надежда, как известно, умирает последней...

Я присела на лавочку и закурила, присматриваясь к местности. Вокруг сновала малышня: вот кому лето – праздник, а жара – только повод повеселиться. Объемистая женщина развешивала белье на веревках, натянутых над детской площадкой.

Какая-то девица в купальнике самозабвенно загорала на балконе, на что с искренним и глубоким интересом смотрели три «синюшника», уже успевшие выпить много чего. Рядом с их пеньком выстроилась очередь разномастных бутылок и даже пивных банок.

На лавочке сидели самые удачливые собирательницы сплетен – стайка старушек. Вот кому детективами надо работать: они из ничего состряпают кучу улики и доказательств виновности или невиновности человека, в зависимости от собственного отношения к этой несчастной личности.

К ним я и подошла прежде всего. Обычно эти сплетницы, божьи одуванчики, знают все и про всех. Впрочем, что касается пьянчужек – и они тоже неплохой источник информации. Вот только порой бутылка застит им глаза. Да и не люблю я пьяных личностей, если честно, а эта троица с утра успела набраться. Еще, чего доброго, и мне хлебнуть предложат. Откажешь – обидятся, а не откажешь – мне станет плохо, и вся работа пойдет насмарку.

Так что я на сей раз выбрала наиболее безопасных свидетелей.

– Здравствуйте, – застенчиво улыбнулась я. Старушки вообще предпочитают тихих девушек, а нас таких сейчас мало осталось. Следовательно, одна моя вежливость способна развязать их языки, а учитывая, что у меня еще и козырь в рукаве...

– Здравствуйте, – вразной ответили бабульки, рассматривая меня. Надо сказать, без неодобрения: одета я была, по их понятиям, достаточно скромно и не вызывающе.

– Можно задать вам несколько вопросов?

– А вы кто, девушка? – осведомилась бабка в старинных очках с пыльными стеклами.

– Я из милиции, помощница следователя, – мило улыбнулась я. – Мы расследуем дело об убийстве Волощенко. Он жил в этом доме.

– Как же, знаем! Ужаси такие! – лепетали бабки наперебой. Некоторое время они обмусоливали эту тему – в мире жить очень страшно и вообще, когда же наконец их смерть приберет. При этом, слава богу, бабки выглядели вполне довольными жизнью.

Я решительно прервала разглагольствования по поводу криминальной жизни Тарасова и спросила:

– Волощенко давно жил здесь?

– Чай в прошлом году квартиру купил, – ответила одна бабка, не прекращая шелестеть спицами. Из-под ее ловких пальцев стремительно выползло что-то длинное, тускло-оранжевого цвета. – С той поры и жил.

– Вы случайно не знаете, ходили ли к нему гости и как часто?

– Да разные люди ходили, чуть не каждую неделю появлялись двое – рыжий и противный мужик такой, в спортивных штанах и сетчатой майке. У него белесые глаза и брови – страшный, как сам черт. И второй, маленький, худенький, с тонким противным голоском, постоянно хмурился, – с жаром ответила бабка в старых очках.

– А еще что-нибудь особенное в этом маленьком было? – поинтересовалась я. – Ну шрам какой-нибудь или еще что-то...

– Да нет, девонька, со шрамом-то был другой. Такой ладный мальчишечка, но вот лицо изуродовано малость. А ентот – у него на плече якорь нарисован. Синий с красным, кажись.

Я сразу насторожилась – ну такого совпадения просто не бывает. С чего бы Ламовскому приходиться к Волощенко? Какие между ними могут быть делишки, спрашивается? Ответит мне кто-нибудь?..

– А как выглядел человек со шрамом?

– Невысокого росточку, худенький, – слово-охотливо пояснили мне. – Стриженный коротенько, со светлым чубчиком. И шрам вот от сих, – бабка показала на мочку своего уха, – и до сих, – она коснулась уголка рта на морщинистом лице. Потом смачно сплюнула через плечо и быстро-быстро перекрестилась.

Тут мои сомнения вообще отпали – Владимир Ламовский! Именно он приходил к Волощенко. Конечно, можно предположить, что они приятельствовали или были просто знакомы. Может быть... А может и не быть, раз уж на то пошло.

– А часто этот, со шрамом, здесь бывал? – поинтересовалась я задумчиво, стараясь не показать интереса к теме беседы. Ведь в подобных случаях люди обычно не желают делиться с другими, пытаюсь помучить любопытствующего.

– Дык раза два в неделю точно бывал, – уверенно ответила бабуська. – Обычно вечером приходил, говорили, видать, о чем-то.

Я задумчиво внимала речам бабок, пытаюсь связать концы с концами. Пока это у меня не слишком получалось, но поначалу всегда так. А позже составляющие мозаику встанут на свои места, и я смогу увидеть картинку преступления в целом.

– Ой, знаешь, девонька, – напрочь забыв, что я «из милиции», а значит, и вести себя со мной нужно официально, пылко вещала старушенция с вязаньем, – странный был этот парнишка.

– И в чем же проявлялась эта странность? – вскинула я бровь. – Что именно вам показалось необычным в его поведении?

– Дык он так все оглядывался, будто за ним стая какая гонится. Такой остороженький! – пренебрежительно буркнула она. – В наше время мужики-то другие были.

Тут последовало лирическое отступление о прекрасном прошлом и отвратительном, как адская бездна, настоящем. Я мирно кивала, размышляя.

– Ой, девонька, а вместе-то эти все ни разу не ходили. Можеть, они все убивцы и есть? – выдала свеженькую версию бабка. Я же говорю, таких, как они, надо срочно брать в наше детективное агентство, и пусть отныне оно называется не «ЛМ» – расшифровка: Ларчик и Морковка, – а «ОНБ» – Очень Наблюдательные Бабушки.

Но информация показалась любопытной. Если люди пытались не сталкиваться здесь и ходили по отдельности, возможно два логических вывода. Либо эта милая троица не была знакома и каждый был «индивидуальным другом Волощенко», либо они пытались не привлекать к себе внимания.

– А девушка у Волощенко была? – поинтересовалась я. – Или жена?

– Да кто ж их знает, жен-то? Можеть, и была. А девка... Да ходила тут одна – красивая такая, темненькая, тоненькая девчушка. Почитай каждый день хаживала. Да и вместе они гуляли иной раз. Вот только в последние три дни не забегала – поссорились, что ли. Ну да ничего, дело молодое, горячее...

Поняв, что больше нужных сведений мне не предложат, я поблагодарила старушек и спросила напоследок:

– А кто обнаружил труп?

– Да управдомша наша Анна Викторовна, слесарь там, кажись, был, Игорь... как его там – Петрович.

Ну, спасибо этому дому, как говорится... И я, узнав, в каких квартирах проживают мои свидетели, распрощалась с бабушками.

Войдя в темный пыльный подъезд, я поднялась пешком на седьмой этаж – лифт, естественно, не работал. Впрочем, что это я? Далеко не естественно. В таком шикарном доме все должно работать исправно. Но, видимо, и в этом доме вандалов хватает: стены подъезда были украшены слоем граффити, причем надписи варьировались от откровенной похабщины до цитат прославленных поэтов.

Но надписи на стенах меня не интересовали. «Мне бы узнать деятеля современного криминального искусства, по чьей вине я вынуждена общаться с кучей людей. И даже придется проникнуть в квартиру», – пронеслось в моем мозгу, пока я стояла и взирала на надписи.

Я позвонила в дверь, и тут же раздался громкий женский голос:

– Кто там?

– Помощник следователя Ванцова. Мне нужна Анна Викторовна, управдом.

– Ну я это, – открыв дверь, представилась худощавая женщина в возрасте. – Заходите.

– Скажите, пожалуйста, это вы обнаружили труп Волощенко? – спросила я, проходя в светлую уютную прихожую. На тумбочке красовался телефон, а под вешалкой выстроился ровный рядок обуви.

– Ну еще бы! Ужас такой был!

– Как это произошло? – поинтересовалась я и уточнила: – Каким образом вы обнаружили тело?

– Да мы же с ним живем на одной площадке, а соседи с шестого пожаловались – вода на них льется, залило совсем, а Волощенко дома нет. Ну и решили: надо ломать дверь. А то так все затопит. Да и скандала с жильцами не надо. Петрович снял петли, а он лежит, сердешный. И ведь тихий жилец был, такие – награда божья. Гулянок не устраивал, дома подолгу не бывал, все на работе да на работе... А тут как увидела, чуть худо не стало. Лежит почти раздетый, а из сердца нож торчит. Тут, конечно, бросились милицию, «Скорую» вызывать, да ему-то уже не поможешь.

– Может быть, вчера вы слышали что-то необычное, раз вы на одной площадке живете?

Анна Викторовна нахмурилась, прикусила губу и принялась вспоминать события прошедшего дня. Я терпеливо ждала, рассматривая узор на ажурной салфетке, лежавшей под телефоном.

– Да нет, ничего я не слышала. Какой-то фильм посмотрела да спать легла. А мои-то все на дачу уехали, что же мне одной засиживаться?

После управдома пообщалась со слесарем, который оказался одним из трех пьянчужек, начавших квасить с самого утра. Он сказал то же самое, что и управдом, только гораздо менее внятно.

Тогда я поднялась обратно и проверила дверь квартиры Волощенко. На двери был замок, поверх которого протянулась лента с опечаткой. И что мне было делать?

Я задумалась. Скорее всего ключи есть только в милиции. Звонить Ванцову? Но он не слишком расположен мне помогать – все защищает маленькую Сашеньку.

Я вернулась в квартиру Анны Викторовны и спросила:

– У вас есть ключи от квартиры Волощенко?

– Да, – ответила она мне.

Я потребовала ключи:

– Там наверняка сантехника не в порядке. И если опять все протекать начнет, придется открыть дверь. Не ломать же во второй раз! Мне нужно осмотреть квартиру, а ключи я не захватила, – быстро сказала я.

– Конечно, идемте, – Анна Викторовна сразу прониклась ситуацией и решительно вышла из квартиры. Я последовала за ней.

* * *

Она не шла, ползла на работу, еле переставляя ноги. Увидев ее сейчас, никто бы не подумал, что еще неделю назад это была счастливая цветущая женщина. Даже вчера была еще привлекательной. Сегодня же лицо осунулось и побледнело, тяжелые черные волосы потускнели и жалко свисали по обе стороны лица, обрамляя впалые щеки. Тонкие губы без помады казались почти неразличимой щелчкой, а глаза под покрасневшими веками напоминали о грустном кролике в клетке.

Работа... Ей совершенно не хотелось туда идти. Трудиться секретарем в не слишком престижной фирме мало приятного. Так еще и денег платят в обрез – только на жизнь и хватает. А ей хотелось развлекаться, шикарно одеваться, пить дорогой кофе и фирменный чай. Только не могла она всего этого себе позволить – финансы ограничивали. А теперь умерла и последняя надежда.

Она не выспалась – с вечера пыталась не плакать, ночью душили кошмары. И, поднявшись в холодном поту, она оделась, не позаботившись даже погладить костюм, и побрела на работу.

Рядом шли счастливые веселые люди, которые могли смеяться. Женщины, кокетничавшие с мужчинами. Привлекательные молодые люди. Еще неделю назад она могла окрутить кого угодно из них, взмахнув своими длинными ресницами. Но это было раньше. В самом деле, теперь на нее и последний бомж не посмотрит – побрезгует. Неопрятная, ненакрашенная женщина, вяло следовавшая к месту своих трудовых свершений... Она не представляла, что может так опуститься. Но боль въедалась в ее нутро, не давая спокойно существовать. И отпускать не собиралась...

* * *

Я прошла в квартиру. Анна Викторовна осталась у порога, подчинившись моей просьбе «не следить». На покрывале кровати еще остались меловые следы, обрисовавшие очертания тела. Все было пересмотрено и раскурочено – наша бравая милиция не умеет наводить после себя порядок. Ну что же, такая у меня нелегкая доля.

Устроив в квартире форменный обыск, я так ничего и не нашла. Господин Волощенко женат не был, а следовательно, нельзя заподозрить супружескую ревность. И это уже хорошо: разбираться с обиженными женщинами не самое приятное занятие на земле. В квартире не было следов постоянного присутствия женщины – ни вещей, ни необходимых нашему полу важных мелочей.

Обиженные женщины?.. Господи, эта брюнетка, которая ходила к Волощенко, из них? Не думаю, что она была только подружкой. Если предположить, что эта девица – его любовница и она узнала о Карине, которой, судя по всему, Волощенко искренне увлекся... Я лично убила бы Пенса сразу, чтоб не мучился. Так почему бы этой девице не поступить точно так же?

Но вот фотография Карины в эту версию не вписывается. Впрочем, если эту подробность опустить, то версия выглядит достаточно стройной и логичной. И даже милой – убийство на почве ревности, что может быть проще...

Тем не менее я не баран, чтобы упираться в одни ворота. К Волощенко навещался Ламовский, у которого ярко выраженное криминальное прошлое. Не думаю, что это банальная случайность, – такие совпадения вещь сравнительно нечастая.

На книжной полке я обнаружила ключи. Довольно большая связка, для квартиры не подходящая. Подумав с минуту, я обернулась и увидела, что Анна Викторовна не обращает на

мои действия никакого внимания, и сунула ключи в сумку – пусть мне кто-нибудь объяснит, зачем – и закрыла «молнию». Пожалуй, интуиция. Вот подведет меня это чувство или нет – еще вопрос.

Для порядка я немного побродила по квартире, стерла следы своего присутствия – и вышла. Ни с чем. Поблагодарила управдомшу за любезность, попрощалась с ней и выбежала из прохладного подъезда на солнце. Усевшись на скамейку, расслабилась и закурила. И в голову пришла свежая, интересная мысль: эти подозрительные личности являлись вечерами. Значит, часам к семи я подъеду сюда – и пусть мне повезет. Они же пока не знают о смерти Волощенко. По крайней мере этот вариант существует – если только кто-нибудь из них не убил его. Тогда милиция могла не успеть выйти на окружение Волощенко.

Так, может быть, его навесят? И я смогу понаблюдать за ними?..

* * *

Галина Старцева хмуро смотрела на трубку телефона как на злейшего врага. Чувство мести ее немного отпустило, но потерянных драгоценностей было до безумия жалко. Это выбило из колеи – Галина не ожидала такого откровенного вероломства.

И теперь, страдальчески вскинув тонкие брови, вспоминала свой сапфировый гарнитур.

– Ну да ладно, все фигня! – когда надоело тосковать, безапелляционно произнесла вслух Галина. – Еще новых огребу. Главное, начать светскую жизнь...

И она, небрежно пролистав блокнот, набрала номер телефона. Из трубки раздался густой тягучий голос:

– Слушаю!

И Галина, меняясь на глазах, весело защебетала:

– Ой, здравствуй, дорогой! Давно не виделись! Я так по тебе скучала! Ты даже не представляешь... Да-да, заставлять девушку тосковать – совершенно немилосердно... Конечно, куда угодно! С тобой хоть на край света! Жду!

* * *

Помотавшись по соседям, я узнала еще кое-что о Волощенко. Выяснилось, что он работал кем-то вроде курьера – возил грузы в столицу нашей Родины. И мне сказали, что фирма, на которую он трудился, называлась то ли «Золотая луна», то ли «Лунная эйфория». Ну что ж, у шофера жизнь бурная. Может быть, и найду повод, из-за которого могли убить Волощенко, кто знает.

После соседей я отправилась в находящуюся неподалеку справочную и дала эти два названия фирм. Мне сказали, что информация появится где-то через полчаса. Будем ждать, как говорится.

Затем я мирно плюхнулась на лавочку, закурила и постаралась привести мысли в порядок. Пока что надо разобраться с несколькими версиями, которые у меня уже были. Либо его убил смертный враг Карины Красс, который искренне надеялся на то, что ее посадят, что довольно сомнительно. Либо это был недоброжелатель самого Волощенко, который каким-то образом узнал про Карину и решил отвести от себя подозрения довольно-таки мерзким способом. Или же это был их общий враг – и одним ударом ножа покончил сразу с двумя зайцами. Если не с тремя – заколол Волощенко, попытался отправить за решетку Карину Красс и от себя подозрения отвел. Только тогда нужен свидетель из тех, кто знал о Карине и Волощенко, а может быть, и был знаком с ними обоими. Вот это уже сложнее – если Волощенко познакомился с Кариной всего-то три дня назад, кто мог быть в курсе их отношений? Кто мог так дальновидно расправиться с Никитой Викторовичем?..

За такими невеселыми размышлениями прошло полчаса, и я отправилась в справочную. Тут же мне дали информацию – фирма «Золотая луна» существовала в природе, занималась производством косметики и парфюмерии и располагалась на проспекте.

И я, изнывая от жары, отправилась в эту самую «Золотую луну». Даже стакан ледяной колы мне не помог. До чего ж мучительно – носиться по городу в самое пекло и ощущать на себе обжигающие солнечные лучи! К тому же это вообще кошунство: при такой погоде хорошо валяться где-нибудь на пляже. И сей факт еще раз подтверждает, что деньги – зло. Когда выйдешь на базар – зла не хватает, как гласит старая шутка.

Пешком добираться мне показалось далековато, и я села в переполненный пляжниками троллейбус. Вот счастливые люди!купаются, загорают... От их полуобнаженных тел было жарко, влажно и неприятно.

Я вздохнула с облегчением, когда толпа вынесла меня из троллейбуса – даже не пришлось особо напрягаться. После чего, пройдя квартал по проспекту, я направилась к высокому старому зданию, гордо именуемому «Филиалы московских офисов».

Общение с секретаршей, сидевшей на первом этаже в прохладном холле, позволило мне узнать, что фирма «Золотая луна» расположена на третьем этаже и пройти туда можно даже без предварительной записи. Помимо этого, мне сообщили мимоходом, что требуются продавцы и секретари. Что ж, если пойму, что в ином случае со мной беседовать не станут, попытаюсь устроиться на работу. Или представиться помощницей Ванцова. Нет, наверное, этого делать не стоит.

Мои познания в области психологии позволяют мне судить, что люди, работающие в фирмах, недоверчиво относятся к сотрудникам правопорядка. Это бабушки со старой социалистической закалкой еще нормально воспринимают милиционеров, даже пытаются помочь им всеми силами. А фирмачи предпочитают поговорить с бомжом, нежели с ментами.

Информация секретаря избавила от необходимости с потерянными видом бродить по высокому старому ветхому зданию и приставать с вопросами к каждому встречному-поперечному сотруднику фирмы. Я уверенно направилась на третий этаж, к кабинету директора фирмы «Золотая луна», в котором, как мне сказали, со мной поговорят.

Едва я достигла нужного этажа, как на меня словно надели звуконепроходимый колпак. Пока я шла по лестнице, отовсюду неслись звонки телефонов, щебетание секретарш, мерное жужжание мужских голосов. Здесь же царила мертвая тишина. Я даже засомневалась, туда ли попала, но вывеска на обитой кожей двери совершенно ясно гласила: «Золотая луна», филиал».

Не без робости я стукнула по дверному косяку и, услышав приглушенное «войдите», вошла в офис.

Шикарная обивка стен – шелкография, пушистые ковры, черная гладкая мебель, последнее слово дизайна, изящная, как трепетная лань, каштановокудрявая секретарша... Массивная, обитая пластинками из натурального дерева дверь. В общем, контора явно процветала.

– Здравствуйтесь, чем мы можем вам помочь? – осведомилась секретарша, с равнодушным видом рассматривая меня.

– Меня зовут Александра Данич, я помощник следователя Ванцова, – отрекомендовалась я... и тотчас вспомнила, что собиралась воспользоваться совсем иной версией своего появления.

Секретарша тут же настороженно спросила:

– Что вам угодно?

– Можно с вами поговорить? – к директору я решила не пробиваться. Секретари по должности своей знают о сотрудниках гораздо больше, нежели их начальство.

– Да, присаживайтесь, – вежливо буркнула секретарша. – Чем могу помочь?

– У вас работал Никита Викторович Волощенко, не так ли?

Секретарша кивнула. На лице ее появилось странное выражение, но я не стала особенно вникать, почему, а девушка сообщила:

– Он умер. У нас уже были из милиции.

– Нам потребовалось еще кое-что уточнить, – словно извиняясь, произнесла я. – Надеюсь, вы не против?

Девушка мотнула головой и выжидающе посмотрела на меня.

– Какую должность он занимал, каковы были его обязанности? – спросила я.

Секретарша на мгновение задумалась, но не как человек, который не знает ответа на вопрос, скорее в попытке обдумать и получше сформулировать свою мысль. Ее пальцы пробежали по клавишам компьютера, и она произнесла:

– Вот! Волощенко Никита Викторович, 1975 года рождения. С 1990 года работает в тарасовском филиале фирмы «Золотая луна». Должность: водитель-курьер. Занимался перевозкой опытных образцов и грузов готовой продукции в Москву и Подмоскowie. С 1999 года работает в паре с Глуховым Романом Сергеевичем. Характеристика: профессиональный водитель, уравновешенный, к работе относится с должным вниманием и не пренебрегает своими должностными обязанностями. Без уважительной причины работу не пропускал и от рейсов не отказывался.

– Спасибо, – усмехнулась я.

– Пожалуйста, – с некоторой ехидцей улыбнулась секретарша. – Если хотите, могу распечатать.

Отказываться я не стала: может, и пригодится. И пока секретарша возилась с принтером, я спросила:

– Как часто Волощенко отправлялся в рейсы?

– Почти еженедельно, – ответила секретарша, не отрывая взгляда от компьютера. – У нас великолепно налаженное производство, так что поездки были необходимыми и частыми.

– А что вы сами можете о нем сказать? – поинтересовалась я.

– Обычный человек, – пожал плечами девушка, – не глупый, но и не слишком умный. Достаточно компанейский, но, когда мы собирались всем коллективом, чаще приходил не один.

– Он приводил с собой постоянную спутницу?

– В последний год – безусловно. Ольга все время была с ним...

Прекрасно, я уже знаю, как зовут девушку Волощенко. Это уже что-то – проще будет искать.

– А вы не знаете, где найти эту Ольгу?

– Понятия не имею, – опять пожал плечом секретарша. – В мои обязанности не входит интересоваться личной жизнью сотрудников.

– А как я могу найти Глухова? – спросила я устало. Надоедать мне стало все это, если уж совсем честно. – Напарника Волощенко?

– Думаю, он сейчас дома – в рейс отправится только послезавтра. Если, конечно, быстро найдем ему напарника. Я запишу вам адрес.

– В каких отношениях был Волощенко с Глуховым? – поинтересовалась я без особой надежды, что получу ответ. – Впервые вижу секретаря, которого не особенно интересуют работники!

Но девушка удивленно подняла голову и неуверенно сказала:

– Они, мне кажется, конфликтовали. Руководство даже думало сменить Глухова и поставить на его место кого-нибудь другого. К несчастью, обоих устраивал московский маршрут.

Я искренне поблагодарила секретаря и покинула контору, возвращаясь к себе с новой и интересной информацией. Значит, Глухов конфликтовал с Волощенко. Что ж, это наводит на определенные размышления...

* * *

Время было позднее, и я решила, что в этот день не успеваю встретиться с Глуховым: пусть напарник Волощенко подождет своей очереди, а сначала постараюсь последить за весьма подозрительными друзьями Волощенко.

Придя к такому решению, я отправилась к дому шофера и присела на лавочку в тени деревьев. Было около шести, и я надеялась, что вскоре хоть один из друзей погибшего появится, если, конечно, это не дело его рук. Тогда придется прибегнуть к какому-то иному способу поиска убийцы.

А пока я сидела, курила и размышляла, где же найти документы Шульгина. Что касается выстрела в Меченого, Владимира, подозрений было хоть пруд пруди. Круг его связей был достаточно широк, а следовательно, недоброжелателей у него могло быть очень много. Может быть, и документов у него уже нет – он мог их продать, спрятать, что угодно, – и нигде я их не обнаружу. Хотя нет, нельзя раскисать, я должна их найти, ведь моя профессия – частный детектив!..

За такими не слишком веселыми размышлениями время летело быстро, и я увидела вдруг человека, похожего на одного из описанных бабками. Маленький, худенький мужичонка, на плече которого красовался довольно яркий красно-синий якорь, направился к подъезду, в котором жил Волощенко.

Я не сводила с него глаз. Минуты через три он пулей выскочил из подъезда, пугливо огляделся и поспешил к остановке. Я последовала за ним, размышляя, не попусту ли теряю время.

Но романтика профессии сыщика для меня этап, давно пройденный. Теперь я прекрасно понимала – в нашей работе лишь изредка случаются выдающиеся события. Чаще же это рутинная, скучная слежка, выуживание мелких полезных фактиков из множества событий, разговоров и прочего, столь же банального.

Мой «ведомый» ринулся за троллейбусом, подъехавшим к остановке, и я едва не упустила его, но в последний момент все-таки успела вскочить в переднюю дверь, и мы поехали: мужчина с якорем – на задней площадке, вперившись в окно, а я впереди, тянувшая голову, подобно жирафу, дабы не упустить его.

* * *

Она сморщилась, как от зубной боли, – снова пришло воспоминание. Так не хотелось этого – но вернулась острая тоска. «Как жаль, что я из однолюбов», – подумала она, глотнув крепкого чая. Горячий напиток немного согрел все внутри, но не душу. Ее уже ничто теперь не согреет...

– Дорогая, вам плохо? – мило улыбнулся шеф. – Может быть, вы пойдете домой?

Она не ожидала от него такого сострадания и, удивленная, покачала головой. Что ждет ее дома? Черно-красные стены, напоминавшие о самом ужасном дне в жизни. Одиночество, которого не избежать. На работе существует хотя бы иллюзия общения, и не так тоскливо, иногда боль даже отступает. К тому же работы очень много. И это помогает отвлечься.

Глава 5

Татуированный доехал почти до конечной, там перешел через дорогу и направился к рядам гаражей. Я последовала за ним, стараясь не привлекать к себе внимания и держаться поодаль. Мы шли довольно долго среди множества тяжелых металлических коробок, выкрашенных в тускло-оранжевый или бордовый цвет, частью облупившийся.

Наконец татуированный достиг цели: перед ним был гараж № 123.

Мужик постоял у его двери, пнул пару раз ворота, нахмурился, закурил. Я была неподалеку, разглядывая номера и делая вид, что поглощена этим занятием и ничем больше не интересуюсь. Мужчина, впрочем, и не обращал на меня внимания. Он курил, поминутно стряхивая пепел: нервничал, как мне показалось.

Минут через десять к нему подошел еще один – рыжий и довольно противный, в затасканных тренировочных штанах с озабоченным выражением на белесой физиономии. За это время я успела пройти почти половину ряда и стояла как раз напротив гаража № 123, интересовавшего приятелей Волощенко.

Рыжий вежливо постучал в ворота, потом пнул их довольно яростно и обратил взор к татуированному. Тот заявил:

– Видишь же, нету!

– Ну и что теперь? – нахмурился рыжий. – Где его искать?

– А хрен его знает? Может, в ментовке? – предположил татуированный, сгорбившись и потирая заросшую щеку.

– Ну да, может, и посадили. Дверь-то опечатана. Только за что? Чего нашли? Или еще что случилось?

Я мысленно поаплодировала такой догадливости, по-прежнему стараясь не проявлять интереса. И даже сделала пару шагов дальше, прислонилась к дереву и закурила со скучающим выражением на лице. Наверное, это получилось: ни один мужчина не обратил на меня внимания. И правильно, зачем замечать девушку с личиком малыша – любителя шоколадок из рекламы? Мне это только на руку.

– И что теперь? Реализацию придется проводить самостоятельно, – выдал очередную свежую идею татуированный. Я насторожилась – что за реализация? Эти двое что, тоже воришки, вроде Ламовского? Тот еще вопрос!

– Цыц ты, без базаров, – одернул рыжий приятеля. – Если посадили, надо, чтобы все было шито-крыто. Иначе тоже попадем. Вовчика не видел?

– Оно мне надо? – поморщился татуированный.

Поговорив еще несколько минут, они разошлись в разные стороны. Конспирация!

Любопытно, кому принадлежит этот гараж? Честно говоря, я догадывалась, скорее Волощенко. Но это не факт. Мало ли куда могли направиться подозрительные личности, обнаружив не только отсутствие Никиты Викторовича, но еще и печать на двери его квартиры?

В начале гаражных рядов я заметила вышку с похожим на скворечник домиком. Там красовалась гордая, претенциозная вывеска: «Администрация гаражного кооператива «Ласточка». Туда я и направилась.

– Здравствуйте, – улыбнулась я, поднявшись на вышку, в комнатку администрации гаражного кооператива.

На меня изумленно воззрилась пожилая матрона, восседавшая за столом со стареньким компьютером.

– Добрый вечер, вы к кому? – ее губы при разговоре округлялись, их тонкая линия морщилась, напоминая куриную гузку.

– Могу я узнать, кому принадлежит гараж № 123?

– А зачем вам это? – подозрительно спросила матрона, ероша пышно начесанные волосы цвета «баклажан». – Кто вы вообще такая? Я что-то раньше не встречала вас здесь.

– Я помощник следователя Ванцова, – прощебетала я, пытаюсь придать своему лицу занято-умное выражение. – И мне необходимо узнать имя владельца этого гаража. Большого я вам не могу сказать – это служебная информация, не предназначенная для разглашения. – И я сделала страшные глаза. – Если хотите, позвоните Ванцову, он подтвердит вам, что послал меня.

Последняя фраза была чистейшим блефом – Лешенька вряд ли будет прикрывать мои действия. Это же не вполне законно! Но и другое верно – сейчас он вряд ли у себя, скорее всего на допросах: ведь на его отделе висят целых два убийства.

Матрона кивнула, с сомнением взглянула на телефон и перевела взгляд на компьютер. Ура, звонить Ванцову она не собирается!

– Гараж № 123 принадлежит Волощенко Никите Викторовичу, – пощелкав по клавишам, ответила она.

Большого мне и не требовалось. Я кивнула, поблагодарила даму за информацию и вышла.

Странно, как же Ванцов не докопался до этого гаража? Может быть, просто не успел узнать о нем? Значит, я его опередила.

Вопрос в другом – как можно осмотреть гараж Волощенко? Если действовать официальным путем, то есть через милицию, то меня просто отставят в сторонку. Они сами вскроют гараж, обыщут и ничегошеньки мне не оставят. И информацию у Ванцова придется вытягивать клещами.

А как вскрыть гараж без его ведома?

Я стояла и смотрела на массивные двери гаража, выкрашенные темно-бордовой краской, напоминая барана перед новыми воротами и размышляя, что же мне понадобится для обыска. Как минимум аппарат для резки металла. Или ключи. Ключи! А что, если...

Я не без душевного трепета выудила из сумки тяжелую связку, обнаруженную в доме Волощенко и незаконно присвоенную, присмотрелась к замочным скважинам.

Если номер не пройдет, придется-таки обратиться за помощью к Лешеньке Ванцову. Но если...

Дверь открылась! Со скрежетом, но открылась. И я юркнула в гараж, ликуя в душе. Это ликование было труднообъяснимо – ведь я понятия не имела, что искать. И удастся ли найти хоть что-то. Но женская логика вообще трудно поддается объяснению, а моя – тем более. И я, подобно ребенку, радовалась пока одному – удалось открыть дверь гаража!

Внутри было темно, душно и прохладно. А когда дверь со скрежетом прикрылась за моей спиной, стало и страшновато. Я даже почти испытала приступ клаустрофобии, но вовремя выудила зажигалку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.